

ТРУДЫ
ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКОГО
ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО
И КРАЕВЕДНОГО МУЗЕЯ

ВЫПУСК 9

Историческая усадьба «Ботик» близ Переславля-Залесского

Историческая записка
о бывшей в Переславле-Залесском флотилии Петра I

Москва 2004

ББК 63.3(2)л6
Т 78

Издание подготовлено ПКИ — Переславской Краеведческой Инициативой.

Редактор А. Ю. Фоменко.

Т 78 Труды Переславль-Залесского Историко-Художественного и Краеведного Музея. — Т. 9. — М.: MelanarЁ, 2004. — 70 с.

Близ Переславля-Залесского, в селе Веськово, расположена историческая усадьба «Ботик». Здесь с 1803 года работает Петровский музей, где среди прочих памятников потешной флотилии выставлен Ботик Петра I «Фортуна»

Написанный в 1928 году очерк посвящён истории этих мест: археологическим открытиям в веськовских курганах, быту крестьян, строительству Петром I потешной флотилии, его баталиям на Плещеево озеро и дальнейшей судьбе этих кораблей. Рассказывается, как возник Петровский музей, что собрано в его стенах, какие сложности пришлось ему претерпеть и как изменилась работа музея после Октябрьской Революции.

В приложении даётся «Историческая записка» — взгляд на эти же события с позиций автора XIX века, свидетеля строительства Музея.

Приводятся списки зданий и экспонатов Музея, библиография.

ББК 63.3(2)л6

© А. Розов, 1852.
© Б. В. Иваненко, Михаил Иванович Смирнов, 1928.
© MelanarЁ, 2004.

От издательства

Продолжая заниматься тем, в чём мы, по мнению Л. Б. Сукиной, ничего не понимаем, мы подготовили для вас девятый выпуск «Трудов» переславского музея. Поэтому мы искренне надеемся, что если вы — обучающийся у неё студент, то вы с отвращением отринете наше издание из сугубо принципиальных соображений. Тут уж каждый должен сделать собственный выбор: либо пользоваться публикациями ПКИ, либо уважать Сукину.

В тексте очерка истории усадьбы Ботик некоторые слова стоят в квадратных скобках. Нами добавлены только метрические размеры и даты по новому стилю; все остальные слова-вставки принадлежат авторам очерка.

Метрические размеры вычислены нами по переводным коэффициентам и округлены до разумной точности. Конечно, гораздо лучше было бы заново измерить ботик «Фортуна» и другие музейные экспонаты, и как только музей предложит нам этим заняться, мы тотчас согласимся.

Блочные цитаты мы приводим без грамматической правки. Есть опасность того, что они написаны не по правилам авторов этих цитат, а по правилам послереволюционных лет; но, не располагая оригиналами цитат, мы полагаем, что лучше не трогать этот своего рода литературный ботик, чтобы он не развалился окончательно.

По непостижимой причине автор «Исторической записки» А. Розов вместо «Карштен» пишет «Каштрэн». Исправлено.

В приложении мы даём «Историческую записку», которой не было в оригинальном издании девятого выпуска «Трудов». В 1996 году она издавалась в брошюрке почившего переславского издательства «Плещеево озеро», но набрана и отпечатана книжечка была более чем неаккуратно, да и тираж её был всего 500 экземпляров. Поэтому мы нашли дореволюционный текст, сверились с ним и исправили множество расхождений. Наконец, мы предлагаем текст «Исторической записки» в оригинальной пунктуации.

Попавший к нам оригинал «Записки» взят из «Журнала Министерства Народного Просвещения» за 1855 год, т. 77, отд. 2. Это ксерокопия с. 51—80, на первой из странице стоит штамп Историко-художественного музея и номера 731, 1431, 14400. Последний номер указан и на стр. 65, где видна метка типографского листа: «Часть LXXVII. Отд. II».

Предисловие

Среди окрестностей Переславля-Залесского, славящегося живописными уголками и местечками, самой большой известностью пользуется историческая усадьба «Ботик», расположенная на южном возвышенном берегу Плещеева озера в 4 километрах от города. Это излюбленный пункт переславцев для летнего отдыха и прогулок. Главную прелесть его представляет окружающая природа и прежде всего прекраснейшее из озёр средней полосы РСФСР Плещеево озеро, расстилающееся в подножии горы и уходящее отсюда в синюющую даль горизонта. Вся картина его в овальной рамке берегов прекрасно видна отсюда и доставляет глубокое наслаждение каждому, умеющему чувствовать красоту природы.

А в дополнение к этому есть традиция. Сюда ведёт проторённая веками тропа. Здесь происходят народные гулянья, устраиваются празднества. Так было раньше, так делается и в наши дни, но с иным содержанием.

В основе этого лежит яркий исторический факт, выделивший это местечко из окружающих берегов Плещеева озера. Этот факт отразился прежде всего в его названии. «Бот — ботик», наименование морского судна, единственного уцелевшего из всей Петровской флотилии на Переславском озере, стало именем усадьбы, в которой центральное место занимает этот бот «Фортуна», хранящийся в Музее, построенном в 1803 г., а далее монументальные сооружения и жилые здания.

Всё это вместе взятое и придаёт усадьбе «Ботик» особый интерес и прелесть, привлекающую туда посетителей.

Исполняющееся в текущем году 125-летие основания здесь Петровского Музея даёт повод вспомнить историческое прошлое этого уголка и посвятить ему настоящее издание.

Глава 1

Веськое (Веськово)

Усадьба «Ботик» находится в непосредственной связи с селом Веськовым и выделена из его владений. Поэтому необходимо сначала коснуться прошлого этого села, а затем перейти к истории усадьбы.

Село Веськово, по прежним документам Весьское, а чаще Веськое, расположено на берегу Плещеева озера в два порядка. По левому берегу речки Веськовки по пологому подъёму от озера к куполообразному холму, известному под именем «Князька», и вдоль Калязинского тракта параллельно берегу озера, но вследствие его низменности и влажности в расстоянии 0,25 км от воды.

По переписи 1926 г. в Веськове значится 65 дворов, населения 371 человек, в том числе мужчин — 162, женщин — 209 человек.

Судя по его названию, оно финского происхождения и может быть объяснено как основанное «весью», финским племенем, родственным мере, или «весе мәри» — иной особой мерей.¹ Последнее вероятнее, ибо по свидетельству летописи на Клещине озере сидела именно мера. Произошло это, несомненно, очень давно, надо думать, не позднее VIII в. нашей эры, когда начали оседать по берегам озера славяне; таким образом, можно считать, что Веськово существует вторую тысячу лет.

В X в. оно было славянским посёлком, как это можно судить по археологическим памятникам, существовавшим до 1853 года. Экспедицией графа Уварова, работавшей здесь под руководством П. С. Савельева, найдено было вблизи Веськова четыре славянских кладбища, заключающих в себе 414 курганов разной окружности и высоты.

Самая большая группа их была расположена на горе Гремяч, как называлась тогда усадьба «Ботик». Граф Уваров пишет:

На вершине этой горы теперь сооружён памятник Петру I и тут хранится знаменитый его ботик. Вся эта гора покрыта курганами и даже то место, на котором поставлен памятник, покрыто было ими, хотя они уже заровнены при разведении сада. Сажень в 30 или 40 [≈65 м] к западу от памятника начинается заметный ряд курганов, которые продолжались и по скатам горы до топкого берега озера.

На самой горе по дневнику раскопок значится 279 курганов, по склону горы к Калязинской дороге — 109, затем на другой стороне дороги близ мельницы 25 курганов, и, наконец, близ моста через речку Веськовку в самом селе у подножия горы Мемеки (Немеки) — 1 курган.

Несомненно, что первоначально курганов было значительно больше и многие из них не сохранились. Особенно это нужно сказать о кладбище вблизи самого села, которое могло быть постепенно застроено и из него остался один только курган; затем на горе Гремяч в конце XVII в., когда строили дворцовые хоромы со службами и деловой двор, то неизбежно разорили часть их, а затем при установке памятника Петру I и устройстве сада сравняли площадь горы на значительном пространстве, и тем не менее, археологическая экспедиция нашла здесь, как указано выше, 414 курганов.

¹ Кузнецов, С. К. Русская историческая география / С. К. Кузнецов. — М., 1910. — Вып. 1. — С. 156.

Все эти курганы вскрыты были ею до одного в течение 18 дней, с 18 июня по 6 июля 1853 г. Рабочих было в среднем 90 человек при одном наблюдателе ежедневно. Работа велась с лихорадочной быстротой. На горе Гремяч 279 курганов были вскрыты в 15 дней, следовательно, в один день 18 в среднем. Это ещё замедленный темп, ибо находки этих курганов, необычайно интересные, задерживали внимание наблюдателя дольше, чем в других местах. Курганы у мельницы разрыты были все 25 штук в один день, — на откосе горы в два дня, следовательно, 54,5 в день.

Это те самке раскопки, произведённые на заре зарождения русской археологической науки, о которых проф. А. А. Спицын совершенно верно заметил, что они «будут долго оплакиваться наукой и служить грозным предостережением для всех любителей массовых раскопок».¹

В настоящее время от бывших курганов остались следы только в одном месте, и то, очевидно, благодаря тому, что их спасли деревья, быстро укоренившиеся в разрытой почве. За дворцом с западной стороны, в крупной осиновой поросли усадьбы «Ботик» и далее в орешнике на земле общества крестьян с. Веськова сохранились всхолмления раскопанных курганов около трёх десятков, из которых очень многие поражают обширностью своих размеров. В других же перечисленных выше местах исчезли по разным причинам все признаки бывших исторических памятников и затруднительно указать точное место их.

Тем ценнее сохранившиеся остатки и, несмотря на их полуразрушенность, заслуживают с нашей стороны внимания и охраны, а может быть, даже своей внешней реставрации в качестве памятников культуры особого значения.

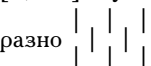
Нужно сказать, что на берегу Плещеева озера было два выдающихся гнезда славянской культуры: Городище Клешино и село Веськово. На первом было обнаружено археологической экспедицией 1406 курганов, в Веськове же хотя значительно меньше, но по культурной ценности обнаруженных в них находок Веськовские курганы стоят на одном из первых мест, особенно те из них, которые расположены наверху горы Гремяч и остатки которых сохранились до нашего времени.

Здесь преобладали могилы с сожжением. По словам графа Уварова,

Самая замечательная из них находилась на горе Гремяч в обширном кургане в 39 аршин [24,7 м] в окружности. По снятии кургана, на глубине 3,5 аршин [2,2 м], на самом материке, сглаженном с каким-то особым искусством, на пространстве около аршина в длину и полуаршина в ширину, нашли круги, расписанные красною и жёлтою красками и золотом. Краски и позолота снимались слоями вместе с землёю, но потом мелко крошились. На узорчатом материке этого кургана лежали жжёные кости и угли, между которыми найдены: две круглые серебряные привески с выпуклыми арабесками в виде перевитых змей, серебряный крест гладкий, с овальным отломанным кольцом, деревянное ведро с железным обручем и коромыслом...

Но тут же и особенно в курганах на косогоре большинство могил заключало в себе погребения в гробах, остатки которых находились довольно часто. Но в том и другом случае, то есть и сожжения, и погребения, могилы в современном понимании этого слова не делались. Труп покойника или его сожжённые кости полагались прямо на материк и обсыпались землёй со сторон, причём насыпи давалась круглая форма.

Но были курганы братские, в которых похоронено было по несколько человек, и притом в разное время, на разных глубинах и разными способами. В этом отношении особенно любопытен курган у горы Мемеки.

Окружность его 72 аршина [45,7 м], высота 5 аршин [3,2 м]. На глубине 2,5 аршина [1,6 м] показался первый ряд могил, заключавший в себе три остова, из которых у одного найден у левой руки железный ножик. Под ним шла насыпь на 0,5 аршина [0,3 м] глубины, на которой оказалось ещё восемь могил, расположенных клинообразно ; в каждой было по одному остову. Из них у одного найден у левой

¹Спицын, А. А. Владимирские курганы / А. А. Спицын // Известия Археологической комиссии. — СПб., 1905. — Вып. 15. — С. 90.

руки ножик, у другого на поясе — два бронзовых кольца, а у третьего на шее две бусы из зелёного стекла, на груди вызолоченная привеска в виде позумента; несколько ниже на груди же две серебряные узорчатые бусы или пуговицы и тонкая серебряная витая нитка. При остальных пяти остовах не было никаких вещей. Далее была насыпь ещё на два аршина [1,3 м]. На самом грунте во всю площадь кургана сказался слой угля и жжёных костей и между ними слитки бронзовых вещей, блях и стеклянных бус.

Некоторые из курганов окружены были кольцом камней, но очень немногие. В других, как полагает граф Уваров, были устроены особые срубы, в которых клали покойников:

Мы полагаем что большая часть следов сгнившего дерева не суть остатки гробов, а остатки особых деревянных незначительных построек, воздвигавшихся над некоторыми особыми гробницами для защиты их от тяжести насыпанной земли.

Разные способы погребения, обнаруженные в Веськовских курганах, свидетельствуют о разных временах их совершения. Наиболее древние курганы с сожжением, затем моложе их курганы с погребением. Датирован монетой один лишь курган, в нём оказалась саманидская монета 900 года.

Но нужно считать, что большинство погребений было позднее этого времени и часть их падает на христианскую пору, отмеченную находками бронзовых и других крестиков.

Соответственно этому найденные при раскопках вещи тоже относятся к разным векам, но вследствие неудовлетворительности приёмов археологических раскопок точно классифицировать это невозможно.

В настоящее время установлено, что большинство найденных комиссией в Переславском крае вещей в курганах относится к XI—XII вв. и в своей массе принадлежит Смоленским кривичам.¹

Обычное положение покойника в могиле лицом на восток, отклонения замечены редко, — положение рук не одинаковое:

1. с обоими протянутыми руками,
2. с правой рукой протянутой, а левой сложенной на груди,
3. левой протянутой, а правой сложенной на груди, и наконец
4. с обоими руками, сложенными на груди.

Расположение вещей при покойнике, снаряжённом в загробную жизнь по мере его экономического и социального значения, было более или менее одинаково: в верхней части, именно у черепа, височные кольца и серьги, ниже черепа на шее и груди — ожерелья, цепочки, позумент, на плечах — подвески треугольники и коньки, — на руках — браслеты и кольца, на поясе — пряжки, огниво, кремни, точилки, ключи и прочее, у левого бедра — ножи, у правой ступни — копья, топоры и прочее, в ногах — глиняные горшки. Нередко встречались погребения вместе с всадником его коня с удилами и конской сбруей.

Вещей этого рода здесь добыто было большое количество. Первоначально они хранились в Москве в Румянцевском Музее, а в революцию переданы в Исторический Музей.

Среди них, относящихся к числу украшений покойника, как редкость в курганном инвентаре, были серебряные и даже золотые вещи, но в самом ограниченном количестве. Граф Уваров отмечает:

Только в трёх местах мы нашли золотые кольца от серёг: раз в курганах у с. Василькова с красною глиняной бусой, другой раз — в курганах у с. Веськова одного образца с предыдущим и, наконец, третий раз — в курганах у с. Городищ — из одного гладкого кольца.

Серебра было больше, но оно было такое же миниатюрное и состояло из височных колец, серёг, проволочки и других лёгких вещей.

¹Спицын, А. А. Владимирские курганы / А. А. Спицын // Известия Археологической комиссии. — СПб., 1905. — Вып. 15. — С. 84—172.

...У одного остова в кургане у с. Вёськова [курган № 1463], у правого виска лежало одно серебряное кольцо, а у левого — два бронзовых.

...Остов, у правого виска найдено пять серебряных, у левого девять медных проволочных колечек. [Курган № 1097.]

...Остов, у него в ухе серебряная серьга с сохранившимся локоном тёмно-русых волос. [Курган № 888.]

...Остов, в правом ухе серебряная серьга с одним прорезным шариком, на шее бусы, 17 позолоченных и посеребрённых мелких и одна зелёного цвета; на груди круглая серебряная привеска с ушком, с выпуклым изображением животных, на правой руке серебряное плоское кольцо. [Курган № 1098.]

...Остов, в правом ухе кольцо из серебряной проволоки, на шее 18 глиняных бус. [Курган № 1100.]

...Остов, в правом ухе серебряное, а в левом бронзовое проволочное кольцо, на правой руке кольцо с узором. [Курган № 1125.]

...Жжёные кости, угли и черепки; между ними тонкое золотое колечко с продетой в него глиняной бусой красного цвета; две серебряных серьги с узорчатыми дутыми шариками и два таких же шарика отдельно. [Курган № 27.]

Если прибавить к этому три проволочных браслета и одну арабскую монету, то этим исчерпывается всё найденное здесь серебро.

Большинство украшений было бронзовое. Из них следует отметить подвески и особенно многочисленные запястья (браслеты), пряжки и прочее.

...Остов, лицом к востоку; у него над головой железный наконечник стрелы или метательного дротика; в правом ухе два бронзовых проволочных кольца — одно большое, другое поменьше; на шее бусы (одна сердоликовая, продолговатая, 17 из синего стекла) и одна косточка; на правой руке выше локтя плоский бронзовый браслет; у левой руки булатный ножик; в ногах такая же стрела, как у головы. [Курган № 817.]

...Курган № 950. Частью сломанная и обгорелая бронзовая узорчатая бляха от пояса...

...Курган № 1051. Черепки, жжёные кости и между ними в углях четыре узорчатых бронзовых бляхи с пояса...

...Курган № 955. Жжёные кости и черепки, измятая и сломанная узорчатая бронзовая пряжка в виде овальной чашки [фибула].

...При жжёных костях две пряжки. [Курган № 1491, и многое другое.]

...Жжёные кости, между ними обломки медных весов и гирька. [Курган № 892.]

...Жжёные кости, бронзовая бляха от кушака, две чашечки от весов и посеребрённый черенок на конце от гребня. [Курган № 981.]

От одежды покойников найдены незначительные остатки позумента и шерстяной ткани.

...Совершенно сгнившие кости; в ногах большой топор, на поясе медное плоское кольцо, точильный камень просверленный и остатки мешочка из тиснёной кожи с медными бляхами, в мешке отломанная четверть саманидской монеты X века, под мешком остаток шерстяной ткани от одежды, на поясе ремень с медными бляхами и ножик в деревянных ножнах с остатками же деревянной резной рукояти. [Курган № 831.]

...Могила мужчины с сохранившимися кусками шерстяной ткани от одежды. [Курган № 989.]

...Огорелые куски шерстяной ткани. [Курганы №№ 995 и 988.]

Оружие и хозяйственные вещи железные. Из них приходится отметить множество найденных ножей, лежавших или на левой стороне, или в ногах, а также топоры.

О последних граф Уваров замечает:

Некоторые топоры, как большие, так и малые, имеют широкое тылье, так что в домашнем быту их, вероятно, употребляли как простые молотки. Следует обратить внимание на то, что почти все найденные топоры и секиры имеют круглое отверстие на середине лезвия. Исключения из этого правила очень редки, а между тем, трудно объяснить — к чему, собственно, такое отверстие.

Один только топор выделяется совершенно из всех остальных, как по своей форме, так и по массивности. Он почти квадратный, длиною в 2,75 вершка [11 см], в ширине 2,33 вершка [9,2 см]. Он найден под правой рукой у плеча остова вместе с двумя бронзовыми кольцами от пояса и двумя ножами.

Найдены вместе с тем были железные ключи, иглы, ножницы и прочее.

...Жжёные кости, между ними два небольших куса точильного камня, ключ в виде лопаточки и железная игла в виде шила. [Курган № 909.]

...Железная скоба, накладка и личинка от замка, ключ на кольце и пробойна. [Курган № 1047.]

...Могила мужчины, тонкие удила из хорошего железа, ножницы и ключ. [Курган № 1045,]

...Серп маленького размера и с особой формой изгиба. [Курган № 1049.]

Из оружия, опрарленного железом, оказались наконечники копья и стрелы.

...Жжёные кости, черепки, и между ними в углях небольшой булатный ножик, такой же величины оконечность метательного дротика. [Курган № 846.]

...Железные прутья от стрел, найденные в курганах у села Вёськова, весьма замечательны и доселе редко были находимы. Одно перо найдено с жжёными костями и железным ножиком; другое также находилось в могиле с жжёными костями и черепками, но оно не имеет такой правильности, красиво отделанной формы, как первое перо; вместе с ним не было других вещей.

Кроме металлических изделий в Вёськовских курганах попадались в небольшом количестве костяные иглы или шила и гребни, и в большом количестве керамика в виде черепков и цельных горшков. Последние заключали в себе жжёные кости, или же пищу для покойника, и ставились в ногах, а также в головах.

К последней категории изделий примыкают глиняные вещи, имевшие, по-видимому, культовое значение: фигура человека (идол), а также руки или лапы и другое.

Перечисленный инвентарь курганных погребений даёт возможность нам судить о хозяйстве и быте ранних жителей Вёськова. Если признать, что в курганах были погребены только зажиточные из них, то и с этой оговоркой мы вправе думать, что в ту отдалённую эпоху, то есть в XI и XII вв., как отмечено выше, здесь было достаточно крепкое экономически население, жившее земледельческими трудами, но имевшее торговое сношение с востоком и западом, откуда оно получало дорогие ткани, украшения, монеты и прочее.

С таким только населением и можно было в половине XII в. строить такую значительную крепость, какую был тогда Переславль, и ценное сооружение Преображенского собора, сложенного из белого камня, доставленного сюда на лодках из бывшего царства Болгарского с Волги.

Вёськово было не единственным таким пунктом на берегах озера, в его окрестностях было немало подобных уголков, которые в своей кассе затем составили основу Переславль-Залесского княжества, существовавшего с 1174 г. по 1302 г.

Можно допустить догадку, что в это время Вёськово, подобно многим другим окружающим Переславль селениям, обращено было здешними князьями в число подклетных своих сёл, а затем с присоединением Переславского княжества к Москве попало в состав дворцовых сёл великого князя Московского.

По крайней мере, в духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича, написанной около 1406 г., «Вёськое и Родионовское с деревнями» назначено было им в случае его смерти великой княгине Софии Витовтовне, его жене.¹

¹Собрание государственных грамот и договоров. — М., 1813. — Т. 1. — С. 72.

В «Историко-Статистическом Описании церквей и приходов Владимирской Епархии» (вып. 2, Владимир, 1895, с. 185) вместо Вёськова это неправильно отнесено к Вёске. Ср.: Плишкин, П. Историческое, географическое, топографическое и политическое описание города Переславля-Залесского / П. Плишкин. — М., 1802. — С. 117—118.

Село Родионовское теперь деревня Родионцево Глебовской волости.

После составления завещания великий князь прожил довольно долго (до 1425 г.) и за это время в судьбе дворцового села Вельского произошла перемена, обычная тогда. Оно было отдано в вотчину одному из важных бояр того времени, названному только по имени и отчеству Фёдором Андреевичем, каковым мог быть боярин Свибл или Кошка, родоначальник Романовых.

Эта перемена повлекла за собой другую. Желая купить «райское блаженство», новый владелец пожертвовал село Вельское и Соломидино самому знатному из Переславских монастырей Горицкому, находившемуся в соседстве с Вельским.¹ Туда же кроме боярина Фёдора Андреевича сделала вклад «инока Афанасия», очевидно, его боярыня, также на село Вельское, видимо, умершая после него.

Таким образом, оно перешло в собственность Горицкого монастыря полностью от двух вкладчиков и всё ещё при жизни того же великого князя. В той же монастырской описи 1686 г., откуда мы заимствуем эти сведения, упоминается «жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича на село Вельское и на Радивоновское к наместником и тиунном несудимая».²

Следовательно, ещё до 1425 г. село Вельское стало монастырским. Так как архив Горицкого монастыря погиб в значительной своей части ещё в пожар 1722 г., то, к сожалению, в немногих сохранившихся документах имеются только отрывочные сведения об этом периоде существования села.

Они начинаются прямо с 1628—29 г. По писцовой книге того времени в селе Вельском на речке Вельке значится деревянная шатровая церковь в честь вмч. Георгия, двор монастырский, двор слуги монастырского, 4 двора детёнышей (работников) монастырских, 7 дворов крестьянских, 10 дворов бобыльских и 1 двор попов, всего 24 двора, людей в них 34 человек.

Пашни паханой монастырской 50 четвертей [28 га], да крестьянской пашни паханой 40 четвертей [23 га], да перелогом и лесом поросло 70 четвертей [40 га] в поле да в дву по тому ж. Сена на лугу Переславского озера и по Хахилевскому врагу 200 копен, да у Переславского же озера по речке Куротне пожня Куротня, сена 150 копен.

В 1653 г. в приходе с. Вельского (то есть с деревнями — Сокольники, Дубовицы, Дядкино) считалось 47 дворов, но по переписи 1685—86 г. в одном только селе был 41 двор, из них крестьянских — 14, бобыльских — 22, монастырских квасоваров — 4 и детёныша монастырского 1.

При этом замечено:

И с того села Вельского после переписных книг 186-го г. [1678 г.] убыло шесть дворов: 4 двора вымерли,.. 2 после пожара вышли к Москве. Всего в селе 41 двор, людей в них 132 человек... Всего с примерною пашни паханые и лесом поросло худые земли 240 чети [137 га], а доброю землёю с наддачею 160 чети [91 га] в поле, а в дву по тому ж. Сена против старых писцовых книг по нынешнему письму сходно.

Кроме земледелия вельсковцы по зимам прирабатывали на стороне. В 1668 г. они брали подряд на поставку 50 сажень [95,3 м] дров для кирпичного завода подмосковного села Измайлова. Надо полагать, что эту работу им устроили земляки — крестьяне, переведённые за четыре года перед этим из д. Аламово «з жёнами и з детьми в село Измайлово на вечное житьё».

Дрова уговорено было поставить на срок 1-го марта того же 1668 г., на следующих условиях:

А в то подрядное число в пятьдесят сажень, дрова подбирать села ж Измайлова на рощистных полях за Строкиным, меж дорог Володимерки и Стромьинки, которые лежат с корени свалены, а в сажени не кладены и не гнилы; а которые складены в сажени и гнилы, и тех не возить. А будет того валежнику чеву в пятьдесят сажень

¹Титов, А. А. Синодики XVII в. Переславского Горицкого монастыря / А. А. Титов. — М., 1902. — С. 11.

²Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции. — М., 1872. — Т. 2. — С. 130, №149.

не достанет, и им лес сечь на тех же рощистях, которые стоят подсушены и подожжены; а целых дерев и в заповедных лесах и в рощах не сечь. А будет чество из стоячих дерев в подрядное число не достанет, и им дрова сечь, опричь государевых заповедных лесов и рощей. А дрова сечь мерою в длину, против Русских торговых дров, в три аршина без чети [1,4 м], и сажени класть в вышину и поперег в три аршина [1,9 м]. А дать им за сажень по двадцати по шти алтын по четыре деньги; итого сорок рублёв. И наперёд тех подрядных денег — двадцать рублёв. А порукою по них писаны того ж [Горицкого] монастыря слуги.¹

По расчёту В. О. Ключевского, рубль второй половины XVII в. равнялся 17 рублям конца XIX ст. и, следовательно, весь подряд по довоенной расценке составил сумму 680 рублей или по 13 р. 60 к. за кубическую сажень [6,9 куб. м] должья с распилкой и доставкой на место. Плату эту можно признать удовлетворительной и для крестьян довольно выгодной.

¹Дела Тайного приказа: Книга 3. // Русская Историческая Библиотека. — СПб., 1904. — Т. XXIII. — С. 917—918.

Глава 2

Колыбель русского флота

В 1688 г. лето было жаркое и в окрестностях Переславля-Залесского озимые хлеба поспели до Казанской. Крестьянка с. Веськова Устинья Ааронова рассказывала:

Я жала рожь. Вдруг я вижу прямо от Горицкого монастыря, по горе, хлебом кто-то едет верхом на карем коне. За ним, не в дальнем расстоянии, тоже на конях едут ещё три человека. Тот что ехал впереди, остановился недалеко от меня и стал пристально смотреть на озеро. Долго он смотрел, и я досыта насмотрелась на него. Он был велик ростом и статен, в одежде, похожей на охотничью. Из-под шляпы с навесом видны были кудри русых волос. Лицо у него было несколько смугловато; глаза карие, быстрые; ус только пробивался. На бедре его висел меч; за поясом торчал охотничий нож; при нём был небольшой огнестрел. Вид его был строг; но я, заметивши на лице его какую-то радость, да не зная, кто он таков, а полагая, что он какой-нибудь барин охотник, сказала ему: эхче, барин, зачем хлебушко-то мнёшь! Он мне на это отвечал: не брюзжи, старуха, хорошо вам будет, и поехал далее по скату горы к Соломидину; за ним последовали и другие, в числе которых я узнала нашего Переславского наместника. Впоследствии я узнала, кто был таков этот барин...

Так именно рисуется в народной передаче первый приезд царя Петра Алексеевича на Плещеево озеро, и нужно сказать, что этому факту приданы черты художественной красоты и правдивости.

Это было тайное от его матери посещение Переславля, о котором он сам потом писал, что попал сюда под видом богомолья в Троице-Сергиев монастырь. Предшествовала этому, как известно, находка английского ботика в Измайлове и катанье на нём в окрестностях Москвы. В предисловии к Уставу Морскому Пётр пишет:

[Когда охота кататься] стала от часу быть более. Того дня я стал проведывать где более воды; мне объявили Переславское озеро, яко наибольшее, куды я, под образом обещания в Троицкий монастырь, у матери выпросился; а потом уже стал её просить и явно, чтобы там двор и суды сделать. И... Карштен Брант сделал два малые фрегата и три яхты. И там несколько лет охоту свою исполнял...

Первый вопрос, который возникает при чтении этих строк: зачем Пётр приезжал в Переславль — только ли затем, чтобы увидеть озеро, или найденный им в Измайлове в мае—июне того же 1688 г. английский бот был перевезён сюда тайно и он на нём катался по Переславскому озеру?

Есть мнение, высказанное М. Поссельтом, что ко времени приезда Петра бот был перевезён в Переславль сухим путём и царь в первый же свой приезд наслаждался эволюциями этого судна на озере под парусами. Затем водный простор навёл его на мысль не ограничиваться одним судном, а приступить к приведению в исполнение более обширных планов. Он тотчас же решился завести ещё несколько других судов и начать с ними совершенно другие опыты.¹

¹Posselt, M. Der General und Admiral Franz Lefort, sein Leben und seine Zeit. / M. Posselt. — Frankfurt am Main, 1866. — В. 1—2. — Р. 259—264.

Адмирал русского флота: Приложение // Морской Сборник. — СПб., 1863. — Т. 3. — С. 5.

На чём основано это мнение, нам неизвестно. Перевозка судов из Москвы в Переславль практиковалась позднее. Это верно. Но было ли так именно в данном случае, сказать положительно нельзя. Катанье по озеру могло быть устроено для Петра и на местных рыбацких лодках и он мог приехать сюда с готовым планом судостроительства, для чего ему надо было только убедиться в пригодности самого озера.

Озеро его очаровало и, возвратившись с «богомолья», он открылся матери в своей проделке и «стал просить явно», чтобы здесь «двор и суды сделать».

Волей-неволей разрешение было дано после настойчиво выраженного им желания, и часть того же июля и августа он снова проводит в Переславле. Но тут возникает целая серия вопросов: где жил Пётр в это время? Где жили корабельные мастера с Карштенем Брантом во главе? Где была верфь для судов? и так далее.

Документальных данных, откуда можно было бы получить исчерпывающие ответы на эти вопросы, мы не имеем. Местная легенда уверяет, что он поселился в настоятельских покоях Никитского монастыря, где самая лучшая комната второго этажа, выходящая окнами на озеро и город, до сих пор носит имя Петровской. В этом несомненно одно, что в то время самые лучшие палаты в Переславле были именно в Никитском монастыре; тогда как в остальных монастырях Переславских, да в самом городе жилые дома были только деревянные, здесь же было монументальное каменное здание, построенное ещё Иваном Грозным. Так как Никитский монастырь тоже на берегу озера, то ничего не будет невероятного, что на первое время Пётр действительно остановился там.

Между тем в «справке», сообщённой из Переславля в Санкт-Петербург менее чем через 50 лет после смерти Петра, сказано, что «изволил жить в палатах близ самого того места, где строение судов происходило». Но это могло относиться к последующему времени, или же свидетельствует о том, что Пётр скоро переменил место своего первоначального пребывания и переселился ближе к верфи, где строились его суда.

Где они строились первое время, мы также не знаем. Возможно, что на устье р. Трубежа, как думают некоторые историки, а впоследствии вблизи с. Вёськова, что установлено документально.

До постройки здесь специального своего двора он мог жить в зданиях Горицкого монастыря, откуда довольно близко и к устью Трубежа, и к селу Вёскову. В зданиях же Горицкого монастыря, расположенных за его оградой по направлению к с. Вёскову на так называемом «Птичьем дворе», предание поселяет и иностранных мастеров-корабельщиков, привезённых в Переславль для строения судов. Впоследствии они жили на горе близ самого села, на правом берегу речки Вёсковки, отчего с тех пор она стала носить ироническое название Мемеки (Немеки), так как иностранцы, очевидно, плохо или ничего не говорили по-русски.¹ Из них главным был Карштен Брант, кроме него Корт, затем позднее Класс или Никлассон, а есть известие, что самая верфь строилась потом голландцем Арриеном Меэтье. Приехали они в Переславль сразу, или постепенно один за другим и через известные промежутки времени, точных сведений тоже не имеется.

Но во всяком случае в июле—августе 1688 г. началась подготовка к постройке «потешной флотилии» в Переславле, производившаяся под руководством Карштена Бранта. Несомненно, что главная часть строительных материалов доставлена была зимой, и вероятнее всего, с зимы 1688—1689 гг. и началась самая постройка потешных судов, делавшихся по типу морских. Работа производилась ускоренным темпом и ко времени вскрытия озера были готовы мелкие суда, очевидно, яхты.

Об этом мы узнаём из следующего письма самого Петра.

Вселюбезнейшей и паче живота телесного дражайшей моей матушке, государыне царице и великой княгине Наталье Кирилловне, сынишка твой, в работе пребывающий Петрушка, благословения прошу, а о твоём здравии слышать желаю, а у нас молитвами твоими здорово всё. А озеро всё вскрылось сего 20 числа, и суды все, кроме большого корабля, в отделке; только за канатами станет: и о том милости прошу, чтобы те канаты, по семи сот сажень из Пушкарского приказа, не мешкав, присланы были. А за ними дело станет и житьё наше продолжится. По сём паки благословения прошу. Из Переславля. Апреля 20. 1689.

¹Имеется в виду гора, на которой стоит ИПС РАН. — *Ред.*

Это письмо, как и ряд последующих других, писанных Петром с берегов Плещеева озера — единственные документы, освещающие этот момент в истории его «Потешной Флотилии».

В первом же письме имеются очень важные указания на то, что Пётр не просто наслаждался катаньем по озеру или терпеливо ждал, когда ему сработают суда иностранцы, а сам «пребывал в работе», сам в первый раз в жизни взялся за топор и начал проходить науку кораблестроения, законченную им потом в Саардаме. Корабельным плотником он стал впервые в Переславле.

Из следующих его писем узнаём, что он весь бы увлечён новой морской «потехой», но его постоянно отрывали от дела и требовали в Москву, так что в Переславле ему удалось быть очень немного: с 20 по 27 апреля и с 3 по 12 июля, всего, следовательно, в два приезда немного более двух недель. В это время (2/VI—1689 г.) помер в Переславле корабельный мастер Корт, тем не менее, судостроение шло и «суда удались все zelo хороши».

Отделка их производилась придворными живописцами и художниками, присылавшимися сюда из Москвы для окраски и росписи судов. Костоусов Герасим «с товарищи» напоминал царю несколько лет спустя о своей посылке в Переславль-Залесский к корабельному делу в 1688 и 1689 г. по случаю того, что за это им «жалования не дано» было.

Кроме матери, требовавшей сына через посланца, Петру в Переславль писала его жена Евдокия Фёдоровна, рождённая Лопухина. Письмо это весьма характерно для суждения о ней и быте того времени.

Государю моему радости, царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, свет мой, на множество лет. Просим милости, пожалуй государь, буди к нам не замешкав. А я при милости матушкиной жива. Женишка твоя Дунка челом бьёт.

Роковая борьба с Софьей, достигшая к этому времени высшей точки своего развития, заставила Петра надолго оторваться от Переславской потехи, и затем, по-видимому, забыть её и даже прекратить самое судостроение на Плещееве озере, где к тому времени спущены были на воду выстроенные Карштенем Брантом два небольших фрегата и три яхты.

Уехав из Переславля в июне 1689 г., Пётр больше двух лет не был здесь, но не прекращал своих прогулок по воде вблизи Москвы, как это можно видеть из дневника Гордона. Он пишет:

27 апреля 1690 г. царь Пётр Алексеевич отправился на яхте в село Коломенское. Генералы [в том числе и Гордон] и другие офицеры следовали за ним на маленьких судах. Большие суда, на которых находились стрельцы, шли впереди. Выйдя в полдень, они пришли к назначенному месту с закатом солнца (пройдя пространство в 20 вёрст).

На другой день флотилия отправилась далее и 30 апреля возвратилась в Москву. 1 мая устроена была вторичная поездка на судах. А зимой выстроена была в Москве к 14 марта 1691 г. новая яхта, на которой Пётр плавал в полую воду по Москве же реке, останавливался в Николо-Угрешском монастыре и в поместьях разных дворян.

Мысль о Переславле появилась снова глубокою осенью или даже в начале зимы того же 1691 г., причём это вторичное возвращение к корабельной потехе на Плещееве озере обставлено было совершенно иначе, чем первый раз. Тогда Пётр довольствовался случайными помещениями, теперь же всё дело было иначе. 3 ноября состоялся царский указ Переславскому воеводе «для пришествия великого государя построить двор».

Это обстоятельство указывает на твёрдое решение Петра обосноваться здесь прочно, чтобы иметь своё собственное помещение, куда без помехи можно было бы наезжать в Переславль. Возможно, что этому решению предшествовало обследование Кубенского озера, находящегося недалеко от Вологды. Этот обширный водоём (60×5—10 вёрст [64×5—11 км]), значительно удалённый от Москвы, не смог привлечь к себе Петра как мелководный и опасный для плавания.¹ Переславское озеро было ближе и глубже.

¹Круглов, А. В. Поездка на Кубенское озеро / А. В. Круглов // Исторический Вестник. — 1898. — Ноябрь. — С. 664—668. — Декабрь. — С. 1047—1075.

К этому времени становится почти неразлучным спутником царя известный Франц Лефорт, «человек забавной и роскошной, или назвать дебошан французской», как характеризовал его один из современников. Очевидно, «обеда, супе и балы», к которым приучил он Петра в Москве, найдено было приятным и полезным переносить время от времени на Плещеево озеро. Но вместе с тем Лефорт, отличавшийся широким взглядом на вещи и разносторонними сведениями практического и теоретического характера, по свидетельству Голикова, первый обратил внимание Петра на возобновление корабельных занятий на Плещеево озере и вместе с потехой втянул его в серьёзное дело.

Могло быть и ещё одно обстоятельство, которое повлекло Петра в Переславль, это не выясненные его биографами отношения к одной девушке — Наталии Ивановне Взимковой, дочери умершего дьяка государевой палаты, в 18 лет бывшей монахиней Переславского Фёдоровского монастыря. «Такое раннее её монашество, — говорит монастырский историк, — предполагает какое-то особенное обстоятельство, приведшее её в монастырь».¹ А местная монастырская легенда отвечает на это, что она была в близких отношениях с влюбчивым царём и заточена сюда, чтобы замять скандал.

Так это или нет — сказать трудно. Но, в общем, могло накопиться несколько поводов и причин, чтобы у Петра явилось снова желание возобновить свои морские потехи на Плещеево озере. Это обстоятельство учтено было окружающими царя как прочное его намерение пробыть здесь долгое время. Так, генерал Патрик Гордон, человек большого придворного чутья, приобрёл себе здесь дом у плотника Ивана за 55 руб., что составляло на деньги конца XIX ст. около одной тысячи рублей. А для своего незаменимого «дебошана» царь распорядился выстроить особый дом вблизи своего дворца.

Местом для устройства «потешного двора» избрана была гора Гремяч, за монастырским селом Вёськовым, поблизости к старинным курганам. С зимы 1691 г. старинное кладбище ожило и к весне следующего 1692 г. здесь возник целый городок. Тут выстроены были и «потешный двор», и новый «деловой двор». Так как на месте в Переславле многого из строительных материалов и принадлежностей достать было нельзя, то из Москвы ежедневно почти скакали гонцы и тянулись подводы с разными материалами.

По кратким записям расходных дворцовых книг того года мы узнаём, что дворец строился для «пришествия великого государя» не одного лично, а тут были хоромы царицы Евдокии Фёдоровны и царевича Алексея. «Слюдовые окончины» в их половину расписывал живописец Ивашко Новиков «по 4 гривны от окончины». Изразцовые печи делал «ценных дел мастер» Ивашко Денешка, доставивший их сюда из Москвы сначала на 7, потом на 15 подводах.

На постройку дворца пошло громадное количество леса: 40 срубов избяных и 10 срубов погребных, а кроме того, около 1000 брёвен разной длины. Дворцовые службы состояли из четырёх изб, двух конюшен на 52 стойла и двух сараев каретных.

По соседству с потешным двором был поставлен «деловой двор», состоявший из кладовых и мастерских, в которых хранились и изготовлялись необходимые принадлежности и части судов. Он вмещал в себе шесть «анбаров», разной величины, шесть изб, крытых «дранью сканюю», а на них «охлупные жёлобы с прикраскою», конюшни, сарай и забор со стороны озера.

Сзади делового двора были огорожены бревенчатыми заборами ещё два двора: один для хранения сена лошадям «остожный двор» и второй — «дровяной двор». Сюда «на государев новопостроенный двор для их государских походов» местное население было привлечено ещё зимою 1691 г. выставить 500 сажень дров [3 456,6 куб. м].

По сохранившемуся народному преданию, царский дворец стоял на том месте, где теперь Петровский Музей, вмещающий в себе ботик «Фортуна», — только он подходил ближе к озеру. Против дворца к озеру был фруктовый сад. Вправо от дворца к с. Вёськову находилась деревянная церковь Вознесения, отчего ближайший овраг получил название Вознесенского. Влево от дворца был колодезь, далее возвышение, известное под именем Гремяч, а за ним курганы («несколько холмов, расположенных рядами»); позади дворца амбары и погреба; за ними немного в сторону к селу Вёськову стояла кузница.

¹Свирелин, А. И. Переславский Фёдоровский женский монастырь / А. И. Свирелин. — Владимир, 1903. — С. 30—34.

Вниз к озеру от делового двора по скату горы шёл спуск, от которого до озера прокопан был канал. По этому спуску и каналу небольшие суда, изготовлявшиеся на деловом дворе, спускались в озеро. А большие корабли, надо думать, строились на лугу близ озера и затем по каналу вводились в него, а затем ставились на причал у пристани, устроенной на сваях против самого дворца.

По народной же памяти царский дворец стоял на двенадцати венцах, на пространстве восьми сажень [29 кв. м] и крыт был, одни говорят — черепицей, другие — железом. Оконицы были слюдяные, в одних комнатах простые, в других — с изображением разных фигур человеческих, цветов и животных. Вход во дворец был от озера; в него вели три двери, обитые войлоком; над средней дверью был прикреплен на железном шпиле двуглавый орёл из листового железа. Во дворце было пять комнат, — полы в них дубовые, печи изразцовые муравленные с изображением людей, птиц, цветов и зверей.

Но несомненно, в народной памяти многое утратилось, и на самом деле жилых строений здесь было гораздо более. В одной записке 1701 г. упоминалось «о государевых хоромах, боярских избушках и поварнях». Недаром до сих пор сохранилось около 150 слюдовых окончин, что бесспорно говорит о наличии большого числа жилых домов. Далее, самый план расположения их на усадьбе вызывает сомнение, — так кузница, принадлежавшая к деловому двору, должна находиться слева от дворца, ближе к сохранившемуся до сих пор спуску. Сад находился не перед дворцом к озеру, а наоборот — сзади дворца, и так далее.

Дворец был окончен постройкой поздней весной или даже летом, а судостроение началось ещё зимой 1691 г. По новой программе предполагено было построить на Плещеевом озере пять новых судов, о значительных размерах которых можно судить по количеству лесного материала, затребованного для постройки: 650 брёвен сосновых, длиной по 3 сажени [5,7 м], толщиной по полуаршину [0,3 м], 2500 досок сосновых, длиной 3-саженных, толщиной по 2 вершка [8 см], гладких 1000 досок 3-саженных, толщиной в 1,5 вершка [6 см], 750 досок по 2 сажени [3,8 м], толщиной по вершку [4 см], и так далее.

Большие расходы на материалы, а главное, на содержание двора и служащих («про государев обиход») потребовали значительных средств. Кроме дворцовых расходов материалами из царских кладовых, здесь на месте понадобился специальный сбор, главным образом с монастырских вотчин «по гривне с двора» (по 1 рублю 70 копейкам на наши довоенные деньги):

с Горицкого монастыря	96 рублей	13 алтын	2 денги
с Никитского монастыря	38 рублей	10 алтын	0 денег
с Данилова монастыря	48 рублей	3 алтын	2 денги
с Фёдоровского монастыря	28 рублей	0 алтын	0 денег
с Рыбной слободы	13 рублей	10 алтын	0 денег
с Ростовского митрополита	434 рубля	16 алтын	2 денги
с Симской волости	84 рубля	13 алтын	2 денги

А всего 743 рубля, что на наши довоенные деньги составляло 12 631 рубль.

Так же, как и в первый раз, новый период Переславского судостроения Пётр открыл лично сам. Он приехал сюда по зимнему первопутку и пробыл две недели. Писал отсюда матери (19 ноября 1691 г.), что «во всяком изобилии пребывает на пользу свою». А затем после, с февраля месяца по сентябрь 1692 г. в общей сложности провёл в Переславле-Залесском более ста дней.¹

Голландский резидент барон ван-Келлер по этому поводу сообщал своему правительству (19 февраля 1692 г.): «его величество младший царь Пётр Алексеевич живёт постоянно на даче и находит удовольствие в надзоре за кораблями, которые строят в Переславле, в трёх дневных переходах от Москвы».

Главное руководство и заведование постройкой кораблей было в руках иностранцев. Очевидно, надо считать, что по-прежнему вёл дело Карштен Брант. Но за его смертью (8/VI—1692 г.) оно перешло к другим лицам. По сообщению Номена Шсельтема, одного из голландцев, проживавших в Москве, Пётр в это время принял на службу несколько

¹18—26 февраля, 3—12 марта, 5—30 апреля, 1—9 мая, 22—31 июля, 1—28 августа, всего 102 дня.

голландских корабельных мастеров, из которых наиболее сведующим был Арриен Меэтье. Несомненно, что в это же время был на службе мастер Класс или Никлассон.

Но если в первый приезд Пётр был активным участником судостроения, то тем более во второй период, когда намечена была хотя и потешная, но весьма значительная и недешёвая флотилия, он не мог оставаться посторонним зрителем и «находить удовольствие [только] в надзоре за кораблями».

Он умел находить удовольствие в настоящем труде и работал как плотник. С ним вместе работали 16 человек преображенцев, его соратников по сухопутным военным потехам, во главе с Якимом Ворониным, способным и энергичным малым. По «господарскому приказу», данному князем кесарем Фёдором Юрьевичем Ромодановским, Пётр с своими «учениками» должен был к весне 1692 г. соорудить корабль, что и было выполнено, хотя Петра много раз отрывали от дела и требовали в Москву.

Несомненно, что были исправлены прежние суда, построенные Брандтом, затем одновременно сооружалось несколько кораблей. Один из них отличался большими размерами. Это было настоящее морское судно, вооружённое по одним сведениям 24 пушками (кн. Б. Куракин, «Гистория о Петре I»), а по другим (барона ван-Келлера) — «30 пушками тяжёлого калибра».

В дополнение к этой флотилии Пётр распорядился зимою ещё перевезти сюда с р. Москвы все мелкие суда, находящиеся там: яхты, карбасы, шняки и другие.

Таким образом, к вскрытию Плещеева озера здесь была довольно значительная флотилия, состоявшая из крупных и мелких судов. Это был первый русский флот. Наталье Кирилловне «недостойный Petrus» в коротеньком письме сообщал об этих судах, что «зело хороши все». Посмотреть и полюбоваться на эти суда он звал из Москвы своих приближённых. В конце апреля вызвал сюда генерала Гордона, который в этот именно приезд купил себе дом в Переславле и пробыл с 25 апреля по 2 мая. В его дневнике значится, что царь показывал ему с радостью все корабли, они катались по озеру, а 1 мая спустили на воду корабль, «причём мы были очень веселы», замечает он.

Голиковым это событие описывается подробнее:

1 мая Пётр спустил построенные там суда на воду. Генерал Гордон, бывший там, описал в журнале своём, сколь велико было его удовольствие от плавания и управления теми фрегатами; оно продолжалось несколько недель и генерал Лефорт, яко первый подавший ему случай к построению сего малого, но первого флота, был тогда же пожалован генерал-адмиралом.

Потешное войско было также при сём спуске фрегатов, или, лучше сказать, при сём празднике, что доказывается «подённою запискою» сего года, в которой записано, что когда монарх 1 августа приказал быть крестному на озеро ходу, то во время погружения креста сам с фрегата стрелял из всех пушек; а в то же время стоявшая на берегу строем пехота, командуемая генералом Гордоном, палила из мелкого ружья и пушек.¹

Первый флотский праздник на Руси, каким было это торжество, по местному народному преданию, начался церковной церемонией, которая, в сущности, совершалась в Переславле с незапамятных времён и состояла в том, что из двух приозёрных церквей, Сорока мучеников и Введения, стоящих друг против друга на противоположных берегах устья р. Трубежа, совершался крестный ход на Плещеево озеро в шестое воскресенье после Пасхи для освящения воды. Воспользовавшись этим обстоятельством, Пётр приказал усилить церковную церемонию участием всех переславских церквей, чтобы придать церемонии более внушительный характер.

На рыбацких лодках, связанных парами и тройками, церковная процессия с крестами и иконами с духовенством в облачении проследовала по р. Трубежу до рыбацких церквей. Здесь отслужена была обедня, а после неё произведён был выезд на озеро для водоосвящения и окропления флота. В заключение церемонии происходила пушечная пальба с судов и со стороны потешных войск, бывших на берегу, а также «экзерциции» тех и других.

¹Голиков, И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России / И. И. Голиков. — 2 изд. — М., 1837. — Т. 1. — С. 76–77.

По окончании этой церковно-военной церемонии был устроен тот пир, по поводу которого Гордон и заметил, что на нём были они «веселы».

Каково было веселье на спуске кораблей в Санкт-Петербурге на Неве — это мы знаем прекрасно. Историк В. О. Ключевский говорит:

Бережливый во всём, Пётр не жалел расходов на попойки, которыми вспыскивали новосооружённого пловца. На корабль приглашалось всё высшее столичное общество обоёго пола. Это были настоящие морские попойки, те, к которым идёт или от которых идёт поговорка, что пьяному по колено море. Пьют, бывало, до тех пор, пока генерал-адмирал старик Апраксин начнёт плакать-разливаться горячими слезами, что вот он на старости лет остался сиротою круглым...

Нет никакого основания думать, что первый флотский праздник ознаменован был меньшей «Бахусовой потехой». Весёлый Лефорт, надо полагать, не ударил лицом в грязь и устроил всё дело на широкую ногу, как это делал он в Москве.

Расходные дворцовые книги содержат в себе сухие, но красноречивые указания на довольно частые отправки в Переславль «с сытного двора»: «питей», «ренского пряного», «сладкого доброго», «к водошному сидению» аниса, а для варки браг, пива и кваса привозилась посуда (чаны и котлы) и командировались мастера этого дела.

Отправивши праздник и вдоволь накатавшись по озеру, Пётр после месячного пребывания в Переславле (с 5 апреля по 9 мая) отправился в Москву, оставив наказ своим сотрудникам доносить ему о всех делах, касавшихся флотилии. До нас сохранилось одно такое письмо Якима Воронина, писанное тотчас же по отъезде Петра.

Пишут ученики твои из Переславля-Залесского, корабельного дела мостильщики, щегольного дела мастерства Якимка Воронин с товарищи 16 человек челом бьют за твоё мастерское учение. По твоему учительскому приказу нам, ученикам, что которую яхту опрокинули в воду, и тое яхту мая в 9 день взняли и воду из неё вылили; а чердак у ней сломало, у юмферов железо переломало и её взвели к мосту, и она зело качка, на одну сторону клонится. А другую яхту взвели тут же к мосту небольшими людьми и парусом и взведши поставили на якорь. И по сие число шла она хорошо. [9 мая 1692 г.]

Тем временем безостановочно и так же напряжённо шла дальнейшая постройка судов крупных и мелких. Выстроена была ещё галера (каторга), ботик, селёдки, шлюпы, шняки, карбасы и тому подобное. К сожалению, мы не знаем точного числа их всех и не имеем списка флотилии. Впоследствии в 1722 г. их хранилось 87. Всем им даны были разные названия, разумеется больше на иноземный лад: «Фортуна», «Марс». Первое принадлежит хранящемуся в Переславле ботику, а второе самому большому кораблю, тому именно, который был вооружён 30 пушками, кроме того, одна яхта носила название «Анна». Всех кораблей было пять, как об этом согласно свидетельствуют барон ван-Келлер и Лефорт.

Авария, о которой упоминается в письме, указывает на то, что не все суда были удачно выстроены, что одна из яхт отличалась качеством и кренилась на один бок. Это понятно. Как ученические опыты Переславские суда неизбежно должны были иметь те или иные недостатки. И нужно к чести их строителей сказать, что очень малый процент оказался таких неудачных сооружений.

Таким образом, летом 1692 г. Плещеево озеро было покрыто военными судами, снабжёнными артиллерией и экипажем. Нечего думать, чтобы последний состоял из одних переславских рыбаков. Здесь неизбежно должны быть военные из числа потешных, — были командиры, по крайней мере на крупных судах. Одним словом, к июлю месяцу Переславский «морской» флот представлял собою организованную военную единицу не хуже того, как это было с Преображенским и Семёновским потешными войсками. Адмиралом его по одним сведениям был, как сказано выше, Ф. Лефорт, а по другим князь Ф. Ю. Ромодановский.

Теперь можно было показать Москве — новое, невиданное дело, не удавшееся при отце Петра, свою «морскую потеху». Любопытствуя на эту диковину 22 июля отправился из Москвы «весь двор», под которым, конечно, нужно разуметь двор Петра и его матери Натальи Кирилловны. В Переславль-Залесский прибыли обе царицы, царевич Алексей и сестра Петра царевна Наталья Алексеевна.

По тогдашнему этикету и принятому обыкновению они сначала посетили Переславские монастыри и сделали туда вклады: в Данилов монастырь «ризы изорбав золотной, оплечье бархатное золотное по чёрной земле, два покровца воздух, аксамитные золотные и стихарь бойбирековой»; в этом же роде и другим монастырям. Затем поселились в потешном дворце на горе Гремяч, перед окнами которого расстилалась синяя даль озера, а внизу на пристани качались на воде невиданные ими до того времени корабли и другие суда.

В день первого Спаса (1 августа по старому стилю) Пётр повторил для своих гостей первомайскую церемонию. Снова был крестный ход на лодках из всех переславских церквей, совершивший водоосвящение на озере, снова царская флотилия салютовала из пушек и маневрировала потом по озеру.

11 августа был вызван из Москвы Гордон. На другой день по приезде (14 августа) он был приглашён обедать на адмиральский корабль, где Пётр угощал двор с большой пышностью. 18 августа около часа ночи подняли паруса и флотилия пошла через озеро. На рассвете бросили якорь на другой стороне, но вследствие противного ветра вынуждены были простоять до 1 часа пополудни 21 августа. С переменной ветра поплыли обратно и в 7 часов вечера бросили якорь у пристани.

Эти сведения, отмеченные в дневнике П. Гордона, показывают, что управление судами было налажено ещё слабо. Не могли справиться с ветром и прождали несколько дней, пока он не переменялся, чтобы двинуться обратно.

Но это едва ли огорчало тогда творца русского флота, — можно было радоваться, что сдвинулись с мёртвой точки и достигли того, что появился флот и появилась вместе с тем возможность учиться плавать на нём.

Петра в это время это печалило другое: был опасно болен его неразлучный друг Лефор, оставленный им в Москве, с поручениями. Заболев горячкою, заставившей его пролежать в постели двадцать дней, он находился в таком опасном положении, что доктора потеряли надежду на его выздоровление. Царь неоднократно посылал к нему из Переславля гонцов справляться о его здоровье. Это заставило Лефорта, едва оправившегося от болезни, поехать в Переславль, куда он прибыл 25 августа.

В письме в Женеву к своему брату он так описывает это обстоятельство:

Флот в Переславле был готов, то есть пять кораблей, которые его царское величество обставил очень богато, одна галера и несколько мелких судов на озере в 2 мили ширины и приблизительно в 4 мили длины. Но моя болезнь была причиною того, что я не мог там присутствовать. Так как их царские величества уехали туда до моей болезни и оставили меня здесь для исполнения их приказаний, пока я не получу письма о времени моего возвращения, то все были очень удивлены, услышав о моей болезни. Я уверяю вас, дорогой брат, что их царские величества сделали мне честь послать многих курьеров и даже особ с высоким положением, чтобы узнать о состоянии моего здоровья. Доктора ничего не упустили из своих обязанностей и, слава богу, я мало-помалу поправился. Так как я видел, что их величествам очень хотелось видеть меня в Переславле, то я решился пуститься в путь тотчас после моей болезни, чтобы засвидетельствовать там свою преданность. Расстояние (от Москвы) считают в 24 мили.

Я не могу, дорогой брат, изобразить радости, которую выказали мне их величества и все придворные при моём приезде. Так как я имею честь командовать кораблём, который называется «Марс», и на котором их величества делают мне честь пребывать, то они тотчас же по моём приезде отбыли на названный корабль и выслали бригадину, чтобы отвести меня к их особам. Когда я вступил на корабль, они осыпали меня выражениями такой большой милости, что я не могу вам описать. Все пушки на нём дали залп, и после того как мне была показана богатая отделка и всё устройство моего корабля, мы вернулись на берег. В честь моего приезда, по приказанию царя, стреляли со всех судов, а потом повели в дом, который их царским величествам было угодно выстроить для меня; дом этот очень красив.

На следующий день их величества сделали мне честь обедать у меня, а на третий день угодно им было угощать меня на нашем корабле, причём в продолжении всего дня не умолкали выстрелы со всех судов.

Из дневника П. Гордона мы узнаём ещё несколько подробностей, выясняющих нам картину этих дней.

25-го. Его величество обедал у меня. Приехал Лефорт.

26-го. Были именины вдовствующей царицы. Мы принесли поздравление и обещали у Льва Кирилловича Нарышкина.

27-го. Были сделаны приготовления к отъезду, мы угощали вечером наших корабельщиков и матросов.

28-го. Тронулись в обратный путь из Переславля.

Наконец, в дипломатических депешах барона ван-Келлера есть указание на один любопытный факт, имевший место в Переславлe. Когда пришло известие о морской победе англо-нидерландского флота над французским при Ла-Гуге, Пётр потребовал, чтобы ему был сделан точный перевод с полученного сообщения, а затем в энтузиазме своей радости велел палить из пушек с кораблей по случаю поражения французов...

Напрасно мы разыскивали бы русские источники, в которых можно было бы найти новые детали и сведения, обрисовывающие дело зарождения русского флота. Их, к величайшему сожалению, нет. И только благодаря этим иностранцам мы можем составить себе некоторое представление об этом историческом моменте.

В конце октября Пётр распорядился готовить материалы для постройки ещё двух кораблей, а сам вскоре заболел дизентерией настолько серьёзно, что в половине декабря ожидали его смерти. Но мало-помалу опасность миновала и после масленицы (27 февраля 1693 г.) он уехал в Переславль к своим кораблям. Здесь провёл почти весь пост в постройке новых судов, сюда же приехал потом и Лефорт. Пётр воротился в Москву только в апреле (7 числа).

Когда озеро вскрылось, после пасхи он снова приехал сюда и пробыл около трёх недель (4—22 мая). Плавая на своих кораблях, он убедился, что Плещеево озеро стало мало и тесно для его флота. В предисловии к Уставу Морскому он писал:

Несколько лет исполнял я свою охоту на озере Переславском; наконец, стало оно для меня тесно; ездил на Кубенское озеро, оно было слишком мелко. Тогда я решился видеть прямо море и стал просить позволения у матери съездить к Архангельску; многократно возбраняла она мне столь опасный путь, но, видя великое желание моё и неотменную охоту, нехотя согласилась.

Так кончилась «потеха» и началось настоящее дело. Пётр перенёс свои корабельные занятия сначала на Белое море, а через несколько лет на Балтийское.

Историческая роль Плещеева озера прекратилась. В деле создания русского флота оно было переходной ступенью от Московских прудов и рек к морскому и океанскому простору. Здесь, именно в Переславлe, приобретены были Петром начальные навыки кораблестроения и мореплавания, управления судами и их вооружения. Вместе с тем это был первый организованный военно-морской флот, хотя и «потешного характера», но из него родился потом и вырос государственный морской флот России.

Уезжая в Архангельск, Пётр не нашёл возможным оставить в руках Горицкого монастыря дорогое ему Вельсково с деловым двором, судами и потешным двором и выменял эту вотчину (в 1693 г.) на богатейший костромской посад Большие Соли, принадлежавший к числу дворцовых владений. Для монастыря такая мена, понятно, была весьма выгодна: вместо небольшого села он получил большое промышленное местечко с соляными заводами, 6 церквями, 27 лавками и прочим. А Вельсково, таким образом, снова стало дворцовым селом.

В первые месяцы по отъезде царя кораблестроение продолжалось ещё несколько времени. Оставались мастера и плотники, доделывавшие начатые ранее суда. Между прочим, здесь находилось двенадцать человек холмогорских, вологодских и тотемских плотников, на обязанности которых лежала починка кораблей. Вместе с плотниками оставлен был для той же цели десятником Сара Деулин. Всех служащих в декабре месяце того же 1693 г. при судах и дворце было 28 человек.

По мере того, как на Белом море стала намечаться своя программа судостроения и заводиться верфь в Архангельске, из Переславля постепенно переводились туда мастера — Класс и Ян, а также работавшие здесь плотники. Вместе с тем, Переславская флотилия в отношении её управления была присоединена к Беломорской и учитывалась как серьёзная сила.

Вот что мы узнаём об этом из письма Ф. Лефорта (4/VII—1694 г.) к его брату:

Меня прочат в адмиралы всех судов его величества и говорят, что царь непременно желает этого. Лишь только дело будет решено, я тотчас же сообщу вам. Но место это сопряжено с большими заботами и трудами, потому что здесь [в Архангельске] стоит целый флот, а в Переславле находятся тоже очень хорошие суда. Конечно, моё повышение будет ещё значительнее, потому что я буду сделан генерал-адмиралом.

Но эти «хорошие суда» были заперты в небольшом водоёме и вывести их отсюда, чтобы использовать для назревавших государственных надобностей и присоединить к другим морским судам, было в высшей степени трудно. Но проба была сделана относительно самого большого корабля, построенного мастером Классом. Находясь за границей в Амстердаме, Пётр писал в Москву (31 декабря 1697 г.) относительно его, что «по новине своей и величеству» он годен будет в Каспийский флот, где в то время заложена была верфь и строились суда.

Каким образом можно было провести его в Волгу, царь дал подробные указания. Так как на озере весною долго плавает лёд, а потом, когда озеро очищается, то реки уже спадают, поэтому, указывал он, следовало начать проводить корабль зимою. Для этого надо было пробить во льду канал, в мелких местах песок разгрести и перетащить судно при помощи переносных воротов; к весне поставить его у реки Вёксы и как только настанет половодье, провести его Вёксою, для чего придётся в некоторых местах копать берега. «А когда до Сумина озера придёт, то оттуда без труда Нерлюю, понеже она река довольной ширины есть, а хотя мелка и камениста, но в полуую воду довольной глубины будет».

Что вышло из этого, осуществилось ли на деле распоряжение Петра, сведений не имеет. Что же касается остальных судов, то имеются совершенно определённые данные, что им суждено было навеки остаться тут и погибнуть, за исключением одного, ботика «Фортуны».

Основной причиной этого, как указано выше, была изолированность Плещеева озера от магистральных водных путей, обрекавшая флотилию на опасное бездействие. Оказавшись ненужной, она расценивалась на месте как отыгранная игрушка, к хранению которой подходили с формально-казёнными приёмами.

Но тем не менее нужно признать, что меры для её хранения принимались. Так, в 1702 г. Петром приказано было Переславскому воеводе «с реки Трубежа поднять на берег три судна и поставить в удобных местах грацкими и уездными людми». Когда это было сделано, то другому воеводе, сменившему прежнего, в том же году осенью велено было

те суды осмотреть и описать, каким званием они устроены и каковы мерою в длину и ширину, и что к ним каких канатов и вёсел и якорей и иных всяких припасов по судам порознь, и поставлены в удобных ли местах, и дранью покрыты ль и та крышка и иное всякое о тех судах строение впредь прочно ль и надёжно; и кому те суды для бережения отданы, а описные книги велено подать в Разряд.

И так как «над теми судами крышка явилась худа», то она «вновь накрыта [была] дранью новой», а для охраны их приставлены три человека посадских людей, которые обязаны караулить их «днём и ночью с великим радением».

Подобные меры, надо полагать, применялись неоднократно и относительно прочих судов, сгруппированных в последующие годы в двух пунктах: на р. Трубеже и при с. Вёскове.

Большинство судов хранилось на Трубеже, а именно: в самой реке оставлены были фрегаты наибольших размеров, они стояли здесь лето и зиму, — на левом берегу на лугу близ Знаменской церкви и Рождественских ворот хранились под навесом три корабля, поставленные здесь в 1702 г., а на противоположном правом при церкви Ивана Богослова — мелкие суда. Остальные суда находились близ Вёскова на деловом дворе. Тут же сложены были по амбарам разные корабельные принадлежности. Но с судов, стоявших на Трубеже и расположенных по обеим его берегам, «корабельные снасти» береглись также в частном амбаре в самом Переславле.

Всем судам и корабельным принадлежностям был учёт и велись инвентарные книги, по которым производилась приёмка и передача их от одного Переславского воеводы к другому, при участии стряпчего Сытного двorca, заведовавшего Вёсковским Потешным и де-

ловым двором. Суда оберегались сторожами из переславских посадских людей и рыбаков, последние, кроме того, обкалывали лёд по зимам от кораблей, стоявших в реке.

С внешней стороны, таким образом, всё как будто бы было благополучно. Так, очевидно, в начале казалось оно и самому Петру, навещавшему Переславль при его поездках на Белое море. Каждый раз он останавливался в своём Веськовском дворце и, понятно, заглядывал на свои корабли.

Так, он был здесь в 1694 г., а затем, по свидетельству Гордона, в 1655 г. 25 ноября; в следующем 1696 г. 12 октября было дано по Переславским монастырям распоряжение:

Собрать с ближайших монастырских своих вотчин для ево государева шествия к Москве по десять подвод и прислать в село Веськово сего же октября 13-го числа на первом часу дня безо всякие оплошки.

1701 года января 16 дня

прислана память великого государя в дворцовое село Веськово Сытного дворца к стряпчему к Михаилу Редрикову велено на ево великого государя дворе к его великого государя пришествию в Переславль-Залесский держать хоромы тотчас. А по указу великого государя, для его государева походу что понадобится, велено имать с Переславских монастырей. И на держания государевых хором и боярских избышек и поварен надобно из Фёдоровского девича монастыря двадцать возов дров поленных...

Дальше мы не имеем точных указаний, когда Пётр был в Переславле. Можно думать, что он приезжал сюда зимой перед отъездом в несчастный Прутский поход 1711 г. Он выехал из Москвы 6 марта, а в Переславский Фёдоровский монастырь сделал 1 марта вклад полный круг церковных книг «по своему по государеву обещанию, егда поиде в новозавоёванную службу с салтаном турецким». Очевидно, это сделано было им через Наталью Взимкову, которая обратилась для него в платонического друга и молитвенника. Ещё раньше того она получала от него богатые подарки и золотые деньги, которые употребляла на украшение монастырских церквей и приобретение ценной утвари. Самые богатые вклады в Фёдоровский монастырь сделаны были именно Взимковой.

В то же время сестра царя Наталья Алексеевна принимала большое участие в украшении того же Фёдоровского монастыря, в 1710 г. жертвует деньги на устройство Введенского тёплого собора, а в 1715 г. на постройку больничной Казанской церкви.

Сам Пётр попадает сюда, надо думать, спустя большой промежуток лет. Только Ништадский мир напоминает ему о первоначальных корабельных потехах. Дедушка русского флота, которым он считал английский бот, найденный в 1688 г. в Измайлове и на котором он плавал по Яузе и Москве-реке, выставлен был с большим почётом на Красной площади при празднествах в честь окончания великой северной войны. «Децкая потеха», — было написано на подножии, поддерживавшем ботик, а на другой стороне «Принесла мужеской триумф»...

Естественно было тогда вспомнить и о Переславской потехе. И вот проездом из Москвы на Ярославль к Вологде 7 февраля 1722 г. он был «в Переславле до ночи». Что он увидел тут — красноречивее всего говорит его лаконический гневный указ:

Воеводам Переславским

Надлежит вам беречи остатки кораблей, яхт и галеры; а буде опустите, то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрегших сей указ.

Пётр.

В Переславле во 7 день февраля 1722 г.

Он застал только остатки. И не мудрено. Нахождение большинства судов под открытым небом на берегах реки и озера, а особенно на воде кораблей, стоявших в Трубеже, неизбежно должно было привести к их естественному разрушению.

Прежняя флотилия, как целое, пропала. Её не воротить. Но сохранить остатки как исторический памятник зарождения государственного русского флота было ещё возможно. Остатки крупных судов — кораблей, яхт и галеры были ещё настолько значительны, что хранить их стоило.

И Пётр издаёт указ, нужно сказать, небывалый ещё в летописях государства, об охране памятников исторического характера. Это самое раннее правительственное распоряжение в этом отношении.

Нет сомнения, что собственноручно написанным указом Пётр подтвердил перепуганным воеводам Переславским такими аргументами, что они хорошо поняли, что «остатки кораблей, яхт и галеры» действительно надо беречь по-настоящему, а то «взыскано будет» ещё раз, а может быть и два.

Как только уехал царь, Переславская Провинциальная Канцелярия по распоряжению воевод принялась за деятельную охрану. Местным ратушским бургомистрам Ивану Кашинцеву с товарищи один за другим посыпались указы.

1-й от 12 февраля 1722 г.:

велено беречь остатки кораблей, яхт и галеры без упущения и потому... оные корабли, яхту и галеру надлежит покрыть, а около большого корабля, который в воде, сваями околотить, чтобы оному кораблю в воду полую ото лду ломки не было. И ко оному строению для присмотру надлежит вам прислать целовальника одного человека сего же числа без умедления, чтоб за неприсылкой вашей в том строении остановки не было...

2-й от 13 февраля 1722 г.:

Надлежит у вас с Переслава с ратушею прислать в канцелярию Переславской Провинции за своими руками известие: корабли, яхты и галера, которые в воде в реке Трубеже и на берегу близ церкви Ивана Предтечи [Богослова?], да на лугу близ Рождественских ворот, из озера, от дворца его императорского величества в реку Трубеж, в котором году введены, и под чьим оные корабли, яхты и галера были караулом, и по справке оное известие прислать в немедленном времени и имянно по получении сего указу того же дня.

3-й от 7 марта 1722 г.:

Как вы сей его императорского величества указ получите и вы б, списав корабельных сторожей с поручных записей верные копии закрепя своими руками, прислали в главную Канцелярию Переславской Провинции.

4-й от 8 марта 1722 г.:

По сказке Переславль-Залесского бывшего земского старосты Ильи сына Найдышева, что ныне в Борисоглебском монастыре, что на Песках, монахом... кто в доме Гаврила Быкова у кладового анбара, в котором охранялась всякая корабельная снасть, были в сторожах. Надлежит вам, сыскав, в ратушу и перед собою допросить, по чьему оные сторожи у того анбара были наряду и что в том анбаре корабельных снастей было, и кем собраны и положены, и за чьею тот анбар был печатью, и с того анбара оная корабельная снасть кем и в котором году, и куда, и по какому указу взяты, и оных сторожей кто с того караула свёл и при которых бургомистрах, а будет бургомистры ныне живы, и тех бургомистров против вышеписанного ж во всём допросить ж. Также присланные Яким Васильев сын Воронин и генеральный писарь Иван... и иноземцы в котором году и по каким указам, и при которых бургомистрах прислать вам известие ж, понеже переславские кузнецы в скаске своей показали, что де в бытность помянутого Воронина для отнимательства... народ был из земской избы от земских старост.

Что отвечал бургомистр Кашинцев на все эти запросы, мы не знаем. Относящиеся сюда бумаги, может быть, не сохранились, а может быть, пока ещё не разысканы. Во всяком случае, в мае того же года приступлено было к делу. Из Санкт-Петербурга был командирован сюда Камер-Коллегией шкипер Шелудяков, ему под команду собрано было 300 человек местных крестьян, при помощи которых находившиеся в Трубеже корабли вытащены были на берег и поставлены на лугу близ Большой Песошницы. Сюда же перевезли остатки судов с правого берега. Место хранения огородили забором и над судами устроили навес. Появился, таким образом, большой сарай или манеж, в котором суда были более или менее защищены от дождя и влаги, а следовательно, от быстрого разрушения.

Суда и корабельные принадлежности, остававшиеся на берегу озера, близ с. Велькова, укрыли в сараях бывшего делового двора на горе Гремяч.

Таким образом, царский указ исполнен: остатки кораблей, яхт и галеры убраны под навесы и бережение их налажено. Это мог проконтролировать сам Пётр через два года, когда в последний раз был здесь проездом (21 марта 1724 г.) «с Петровских заводов [Петрозаводска] в Москву».

Но вот что обращает на себя при этом невольное внимание. Сарай, построенный на берегу Трубежа в 1722 г., пришлось перестроить в 1728 г., в 1730 г. основательно ремонтировать, а через семь лет в 1737 г. крыша его пропускала «великую течь»... «С обеих сторон того сарая столбы, в которые забраны бревна вокруг того сарая, пошатнулись, некоторые подгнили от земли, так же и бревна, которые забраны в тот забор, внизу подгнили же и крыша того сарая во многих местах обвалилась», поэтому её ещё раз пришлось перестраивать заново, и это на 15-ти годах.

Ясно, что здесь налицо небрежность и злоупотребление. Когда требовалось устроить надёжное хранилище, корабельный музей, выстроили никуда не годный сарайшко, на частных ремонтах и перестройках которого, очевидно, набивали себе карманы переславские чиновники.

В результате такого положения вещей состояние флотилии было безнадежное. Ветхие корабли продолжали приходить в ещё большую ветхость и неминуемо шли к полному разрушению. Их находилось в то время на хранении в сарае 87 — больших и малых. Важно отметить эту цифру: она свидетельствует о том, что вся флотилия заключала ещё большее число судовых единиц, точное число которых неизвестно до сего времени. Весьма возможно, что оно достигало сотни и в общем своём виде в лучшую пору существования представляла внушительную картину. Но теперь были одни гнилушки, а над ними готовый рухнуть покосившийся сарай. Таков был первоначальный Петровский Музей в Переславле.

В отчётной ведомости 1776 г. по г. Переславлю-Залесскому местный воевода писал:

Ныне в Переславле-Залесском имеются под сохранением остатки кораблей, яхт и галеры, которые уже все погнили; да при состоящем при городе Переславле в 3-х верстах селе Велькове при бывшем дворце имеется ботик.

Но скоро не стало и гнилушек бывших кораблей. В 1783 г. в Переславле вспыхнул большой пожар, во время которого сгорела деревянная церковь Знаменья, что «на кораблях», прилегающие к ней улицы и здания, в том числе сооружение с остатками флотилии.

Так печально кончилось хранение остатков кораблей, яхт и галеры в самом Переславле.

Глава 3

Петровский Музей

Остался цел из всей флотилии один лишь ботик «Фортуна», по счастью, оказавшийся вдали от погибших судов, при селе Велькове на бывшем деловом дворе.

В то время как потешная флотилия ветшала и разрушалась в самом Переславле-Залеском, вблизи его при селе Велькове происходил тот же процесс с бывшим Петровским дворцом и остатками хранившегося там корабельного снаряжения и судов. В соответствии с тем, что находившуюся в Переславле флотилию оберегали переславцы, — дворец на горе Гремяч, с его многочисленными строениями и садами, а равно хранившимся имуществом, хранили и караулили крестьяне дворцового села Велькова.

В 1748 г. здесь было мёртвое царство. Насколько полвека тому назад кипела жизнь, было шумно и людно от царедворцев, иноземцев, корабельных плотников и прочих, настолько теперь всё было тихо и пустынно. Мрачные и обветшалые здания стояли одиноко, одно за другим сгнивали и выводились из строя. 17 мая в одной из «светлиц», находившихся при дворце, провалился потолок. По этому поводу заколоченные двери и окна вскрыли и комиссия там обнаружила следующие вещи:

- От судна один шверц з железною скобою.
- Блоков тройных болших 4 бес колёс.
- Блоков малых розных рук с верёвками 108.
- Блоков же резных больших малых без верёвок 66, в том числе 2 з железом.
- Спиц столярных 26, в том числе на концах з железами 12.
- 4 крушка малых деревянных.
- Дошечка небольшая крашенная деревянная 1.
- Резбы розных штук ломаной 19.
- 5 брусков дубовых малинких.
- Дошечек деревянных, по концам проверченных — 12.
- Ис погребца доска одна.
- Труба деревянная с одним железным обручем.
- Ситная обечка ветхая.
- Одно корыто липовое.
- От разных судов ветхих 17 рулей, в том числе один много погнил.
- 1 якорь железной небольшой о трёх рогах, на нём два кольца железные.
- Лоток, на нём лежаный порох, а сколько весом не известно.
- Один брус круглой шпилевой с скважинами.
- 10 древков тонинких, крашенных.
- 16 машт, ветхих з блоками, с верёвками и з железом и с крючками по концам железными.
- 3 машты з блоками ж и с верёвками без крючков.
- 1 верх сломленной с мачты з блоками и с верёвками.
- Канатов ветхих и гнилых рваных розных рук небольшое число, а сколько мерою за ветхостью измерить и познать не можно.
- Доска столовая складная дубовая выкрашена красками на 4-х петлях железных.
- 1 ведро деревянное ветхое,
- 1 лоток расколотой деревянной.
- 2 древца флажных с яблоками деревянными.

Пруток железной на пример $\frac{3}{4}$ аршина, на нём яблоко деревянное.
 Четыре петли железные от окончин.
 Четыре наугольника железные от окончин же.
 Одна скоба от дверей с репьем резным с железным.

Дворцовый «сад», под именем которого в то время разумелся так же и огород, где «всякая садовая и огородная работа работалась, и на государев обиход всякой овощ капуста и огурцы строились», пришёл в запустение. Загородка около него развалилась и, пользуясь этим, веськовская молодёжь производила опустошение овощей, ягод и яблок, смотря по сезону. Переславское начальство потребовало тогда от крестьян, чтобы они огородили сад «пристойным образом», но веськовский сельский староста отказался это сделать и когда от него потребовали подписку, «упрямством руки не приложил».

Так мало-помалу ветшала и разрушалась отслужившая своё время царская усадьба при с. Веськове; а 7 декабря 1762 г. в судьбе её произошла крупная перемена, внушавшая опасение за её дальнейшее существование. Дворцовое село Веськово вместе с Петровской усадьбой и Плещеево озеро по указу Екатерины II отданы были в вотчину ротмистру лейб-гвардии конного полка Бутакову с сестрою фрейлиною, очевидно, за содействие их при низложении Петра III и завладении ею императорским тронem.

Таким образом, Веськово ещё раз испытало превратность судьбы; стало частновладельческим помещьем, каких в окрестностях Переславля было немало. В сущности, это было владение мелкопоместное и с точки зрения доходно-финансовой незначительное и имевшее лишь ценность историческую.

Последнее обстоятельство, несмотря на передачу его в полную собственность частному лицу, выделяло его из числа обычных поместий в том отношении, что уездное начальство продолжало свой надзор за ним со стороны исторических вещей Петровской флотилии, остававшихся тут, и вмешивались в их судьбу. Переславский воевода ежегодно в своём отчёте доносил о существовании ботика при с. Веськове, а член уездного суда надзирал за его сохранностью. Выходило, что Веськово хоть и было собственностью помещика, но какой-то особенной, каковое обстоятельство остро сказалось впоследствии.

В 1773 г. Плещеево озеро было продано Бутаковыми обратно в дворцовое ведомство, а Веськово они оставили за собой, но жили, как можно думать, в с. Вёсках, где у них была вотчина и дом, на Ботике же, видимо, жилых построек в то время уже не было.

Относительно дворца существует, две версии. По одной — он был перевезён последним переславским епископом Феофилактом Горским на берег Маринкина озера, в 7 верстах [7,5 км] от города, где действительно был архиерейский дом, сломанный в начале XIX ст. По другой — его купил купец Угрюмов и перевёз его в Переславль, будто бы Екатерина II во время своего путешествия останавливалась в этом доме.

Верно одно, что в начале XIX ст. царского дворца на горе Гремяч не было и никаких следов на месте его постройки вроде фундамента, остатка печей и прочего не имелось. Так что, когда приехал сюда (1802 г.) вновь назначенный Владимирский губернатор князь Иван Михайлович Долгорукий, то никто не мог ему точно указать, где именно находился тут Петровский дворец.

В своих записках (1802 г.) об этом посещении Переславля он говорит следующее:

В близком расстоянии от Александрова Переславль, город старинной, большой, для уездного довольно людной, но не весь застроен. Здесь много древних церквей и разорённой дом архиерейский. Переславль имел некогда своих князей, особую епархию и своего местного пастыря. Природа украсила многие окрестные места. История говорит о нём ещё до ныне в развалинах достопамятных. В уезде много помещичьих имений, но они дробны и мелки. Слава не умолкнет из рода в род с именем Петра Великого напоминать об озере Плещееве. Оно под самым городом и любопытно по совершившимся на нём деяниям преобразователя России. Тут сильный Пётр учился мореплаванию и оставил городу в залог самим им состроенный первый ботик в государстве нашем. Он хранился на руках Земского Суда и ещё соблюл вид свой и основание. На нём Пётр предвозвестил, что Россия как на суше, так и на морях победительна быть может. Но увь. Петры рождаются веками — в то время дан был им собственноручный указ Переславским воеводам, коим повелевал он строжайшим образом рачить о целости сего судна. Тогда писали коротко,

но сильно. Указ тот хранился в присутственных местах вместе с другим императрицы Елисаветы по другому предмету. — Пётр I, занимаясь великим упражнением при помянутом озере, жил в небольшом доме, которого даже и следов не осталось. Он построен был на мысу, прозывающемся Гремячий. Вероятно, что подвиги Петровы дали ему и сохранили сие название. Некоторые царские домашние утвари, ветхие иконы, якори и разные снасти свидетельствуют ещё и поныне, с какой простотой жил великий наш монарх и сколь жадно желал видеть Российские флоты наравне с прочими Европейскими державами.

По возвращении во Владимир Долгорукий принимает твёрдое решение построить в Переславле здание для хранения «Ботика», и дабы избавиться на пути к осуществлению этого дела от каких-либо помех, спешит заручиться специальным указом из Петербурга. Вот как всё это он сам описывает:

Между предметами, подействовавшими на меня более прочих с огорчением и досадою видел я что Ботик Петра I в Переславле хранился в чужом селе близ города и озера на владельческой земле в ничтожном сарае и зачинал уже разрушаться. С небрежением крайним присматривал за этим сокровищем последний член Земского Суда. — Так-то время и люди уничтожают самые достопамятные трофеи. Я принял намерение ходатайствовать о возможном памятнике в честь Петру Великому, на самом месте его начальных подвигов. Мне хотелось, чтобы Переславль и одна его округа приняли в том участие некоторым посильным приношением. Не смел я сам собой приступить к сбору денег и к подписке, дабы клевета не очернила мысли моей, назвав добровольную складку вынужденным налогом. Я в разных случаях видел обнажённые сердца человеческие и знал, что зависть хитра сквернить непорочность. Чтобы оградить себя от нея я письменно отнёсся к г. Трощинскому, Государеву Секретарю; объявил ему моё намерение и просил увенчать его успехом. Оно состояло в том, чтобы построить приличное каменное здание, в котором могли охраняться от повреждения как ботик, так и все остатки Петрова дома. — Желая соединить с честью такого пожертвования дворянского и существенную для человечества пользу, я предполагал поставить жилые покои человек на 6 отставных инвалидов из матросского звания, кои бы по очереди караулили всё строение и, получая за то готовую пищу, не шатались по миру. Государь изволил одобрить моё представление и по сему предмету я удостоился со вступления в должность первый получить от него Рескрипт. Вся моя выдумка не более 3 тысяч рублей требовала на совершение её и я не ожидал чтобы такое малое приношение, да и в прославление дел Петра I-го подверглось затруднениям; но первый приступ к делу показал мне, что восторг уже мало действует на чувства Россиян и что дать деньги на чтобы то ни было гораздо легче заставляет сила, нежели благородные одни побуждения. Я поручил предводителю сноситься о сей подписке с дворянами, на которую за отсутствием многих потребно было время. Ободрён будучи несказанно монаршим соизволением и паче указом на моё имя, я с удовольствием сугубым видел сколько сие действовало на всех, окружавших меня. Подчинённые мои видя, что представлении мои имеют у двора свой вес, тем покорнее исполняли мои распоряжения. Доверенность есть душа службы. Без неё всё мертво в гражданском управлении. Начальник неуважаемый государем скоро презрен низшими чинами и нужно ли изъяснять сколь много неустройств отсюда происходит. Власть и послушание суть по мнению моему единственные пружины движущие политические сферы.¹

Таким образом, через 80 только лет после Петровского указа 1722 г. нашёлся наконец в лице Владимирского губернатора тот именно воевода, который сумел оценить и сберечь остатки флотилии.

Д. П. Трощинскому И. М. Долгорукий между прочим писал:

Не безызвестно вашему высокопревосходительству, что Пётр I начало трудам своим, толико в последствии времени отличившим флот его повсюду, положить

¹Рукопись «Записки князя И. М. Долгорукого за 1802 г.» Библиотека I Московского университета, рукопись 175. (По вопросу о постройке здания для хранения ботика очень небольшие выдержки, из числа приводимых нами полностью выписок, — даны М. А. Дмитриевым, «Князь И. М. Долгорукий и его сочинения», на стр. 52—54.)

благоизволил при Переславском озере. Там устроенный его руками ботик до ныне хранится на мысу, называемом Гремячий, при деревне Весково, вместе с многими другими остатками устроенных для его временного пребывания покоев, коих исчезли уже и малейшие признаки. Там хранится доселе собственной его руки указ Переславским воеводам, данный кратким, но разительным слогом повелевающий им блюсти драгоценные трудов его остатки под опасением ответа не только с них, но и с потомства их.

Ныне я по должности моей объезжая некоторую часть вверенной мне губернии и быв в Переславле, — имел счастье видеть столь достойные монументы. Но с каким сокрушённым сердцем смотрел я на тот ничтожный деревянный анбар, в котором без всякого отличия вывески и признака содержится такая знаменитая редкость, подверженная в означенном строении по веществу своему всякому влиянию воздуха, времени, наконец, гибели. С каким душевным содраганием видел я строки чудотворного, можно сказать, создателя политического бытия нашего, в простом ящике деревянном же — за восковую печатью в уездном суде!

Слышал я, что иностранные по пути заезжают иногда взглянуть тут на первые начала мореплавания непобедимых наших кораблей. Но когда бы молва эта была и несправедлива, — не унижительно ли собственно для россиян видеть в таком низверженном состоянии описываемые достопамятности?

Таковое зрелище родило во мне мысль предложить Переславскому дворянству, не согласится ли оно посвятить некоторое число денег на беспрестанное и долговечное содержание тут до шести человек матросов, как людей того звания, которое приобрело России вечную славу на водах вселенной. Предложением сего рода желал я доставить и дворянству того края честь, но будучи обязан полагать меры законные моим предприятиям, не смел я произвести его в действие, дабы не подать случая к ропоту, если бы кому угодно было воззреть на сие, как на налог, неволю собираемый, — и для того решился, милостивый государь, к почтеннейшей особе вашей, непосредственно о всём государю доносящей, прибегнуть с изменением моих мыслей, покорнейше и убедительнейше вас прося: если сие удостоится вашего благоволения, донести о том государю...

...Я здесь не своих ищу выгод, не личность моя здесь движет моим пером, но честь моего отечества, честь вверенного мне в нём отделения и истинное сожаление видеть, что дело Петра I рук в самой почти середине государства, дело породившее столько хвалы от всех иноплеменных держав его народу, остаётся как бы в глухом и ничтожном забвении там, где и самое обычаем данное тому месту название «Гремяч», долженствовало бы возбудить по одному своему смыслу к воздвигнутию достойного памятника. Счастливым себя почту, если удостоится цель моя успеха...

В ответ на это 10 июля 1802 г. последовал на имя Владимирского губернатора царский рескрипт:

Господин действительный статский советник гражданский губернатор князь Долгорукий. Одобряя предположение ваше о сооружении приличного здания для хранения ботика Петра Великого при Переславском озере, утверждаю намерение ваше предложить дворянству Переславскому о добровольной складке на сие построение, конечно к чести их послужить могущее. Но при сём я желаю, чтобы складка сия никак не имела вида принуждения, а тем менее ещё, чтоб она составлена из нового какого либо налога на крестьян. Всё, что единственно от избытков своих дворянство сделать на сие рассудит, приму я доказательство благонамеренности его и усердия в честь отечества.

Заручившись такой поддержкой, губернатор умело повёл его на месте и в своих записках (за 1803 г.) сообщает следующее:

Зачатое в Переславле дело о постройке здания для судна Петра Великого происходило к окончанию. Подписки уездных жителей хотя не совсем отвечали намерению, но по крайней мере собранные деньги до 1600 рублей достаточны были для палатки. Она уже была выстроена и готовилась к принятию российского сокровища. Между отличными пожертвованиями на сей предмет поставлю я г. Спи-

ридова,¹ который на всё здание дал кирпич и помещицу села Вёсок² уступившую казне площадь своей земли для строения. Сколь ни мелки были приношения прочих я обязан был довести и об них до сведения государя императора, которому угодно было поручить мне объявить Переславскому дворянству монаршее благоволение. Не успел я в том чтобы на 6 инвалидов выстроить казарму, но для одного только матроса поставлена жилая изба. Генерал Апраксин определил 50 рублей в год на содержание служивого. Он вытребован мною из Адмиралтейств Коллегии. Прислан вместо престарелого матроса свежий и здоровый солдат, который, наконец женись тут, сделался сторожем при Ботике Петра I и караулит его. Вот как не редко большие виды превращаются в самой маленькой масштаб. Осталось надделать много шуму и тем возвысить настоящее обстоятельство.

По истории Переславской видно, что Пётр Великий отстроивши сей самый ботик изволил на нём и прочих мелких судах в первой раз маневрировать на озере Плещееве августа 1-го; что в этот же день по установленному церковному обряду духовенство Переславское во всём облачении несло по реке Трубежу на лодках в озеро и там освящало воду. И ныне я считал приличным в воспоминание того торжества оставшийся его трофей перенести августа же 1-го из анбара в каменное здание, что мне совершить и удалось следующим образом.

Рано по утру все духовные чины и архимандрит Никитского монастыря собрались в сельскую церковь близ города при озере и там пред обедней прочтён публично указ Петра I-го о хранении его судов, после чего воспета сему великому основателю обширнейшего в Европе царства вечная память. За сим своим порядком следовала обедня. По окончании оной прочтён рескрипт государя императора на моё имя состоявшийся о построении новой храмины и провозглашение всему императорскому дому по пропетии благодарного молебна многолетие. За сим все чины, гражданские и военные, ибо к умножению празднества присутствовал тут шеф и все офицеры Украинского мушкатёрского полка, квартировавшего в то время в Переславском уезде и городе, вышли к новому зданию, куда потянули на ремнях по нарочно сделанному помосту состаревшийся ботик из прежнего его обиталища. Священники окропляли шествие его святой водою, — чины гражданские поддерживали его на ходу и помогали движению. Так поставилось оное знаменитое судно в новое своё место при восклицаниях народных. В преддверии здания над самыми волнами озера архимандрит сказал приличное торжеству слово и сугубые раздались духовные клики. Я переносился мысленно лет за сто назад. Воображение моё кипело и сердце трепетало от радости, что привёл меня владыко всех миров исполнить патриотическое сие предприятие. Духовным обрядам последовали светские угощения и пиршество отличное в шатрах. Там читаны были вслух сочинённые на сей случай оды 1) графом Хвостовым³ который сам с другими знаменитыми посетителями из уезда присутствовал при сей церемонии, 2) учителем тутошних школ⁴ и моя. Бокалы довершили праздник, как водится, и тем исполнилось удовольствие общее. Погода благоприятствовала случаю. Народ толпился кругом здания безпрестанно. Солнце до самого вечера лучами своими озаряло надпись золотыми буквами на фронте начертанную «Петру I-му усердной Переславль». На другой стороне фасада выставлен был год и число обновления дома. Лёгкие волны озера едва движимые тонким ветром притекали к берегу Гремячего мыса и омывая ступеньки здания, как бы поклонялись памятнику того, кого некогда носили на себе прообразуя ещё в юности его исполинские силы.

Приключение сие потом описано было со всей подробностью в российских и иностранных ведомостях⁵ и оставалось мне только доделать верхний этаж строения для помещения прочих утварей Петровских, к чему приложено было всякое попечение.

Осуществить, впрочем, достройку верхнего этажа Долгорукому удалось не скоро. Только в мае 1810 года, Долгорукий, будучи вновь в Переславле, завершил начатое им семь лет назад дело. В записях его за 1810 г. мы находим по этому поводу следующее:

¹Матвея Григорьевича, владельца с. Нагорья, историка.

²Авдотья Бутакова, вдова ротмистра.

³Дмитрий Иванович, помещик с. Выползовой Слободы.

⁴Щедритский Измаил Алексеевич.

⁵Заметка по этому поводу помещена в «Московских Ведомостях» за 1803 г., № 65.

В Переславле не доставало, к полной отделке того строения, в котором хранился ботик великого Петра пристойного места, где бы сберегаться мог собственноручный сего монарха указ, о самом том ботике воеводам данный. Он всё ещё лежал в ящике при уездном суде. Из экономических крох сделана была вверху той палатки особая комната, которую без роскоши снабдили по предмету пристойным убранством. Там поставлен был старый портрет Петра I, во весь рост, который представлял его на месте Полтавской битвы в военном его стане. На столе накрытом алым сукном с золотую бахромою выставлен был ковчег цветного дерева, поддерживаемый четырьмя резными и вызолоченными дельфинами. На крыше [ковчега] поставлен в малом виде раззолоченный монумент, воздвигнутый в Петрополе Великому, Великою. В преддверии сего покоя собраны были все хранящиеся дотоле снасти, якоря и разные утвари дворца, в котором жила некогда порфирородный младенец, под сенью Нептуна, готовящего ему толикие трофеи в областях своих. Прибывши в Переславль для сего нарочно и учредя церемониал торжества перенёс я из уездного суда указ Петров во храмину для него уготованную. Тут отпет был молебен, окроплены стены и все принадлежности святой водой и после краткой проповеди от настоятеля духовного, я обратясь к предводителю, сказал ему речь, мною на сей случай сочинённую и потом положил Петрову знаменитую рукопись в ковчег, а ключ от оной вручил г. Председателю. Тогда раздалась от клиров вечная память мужу делами бессмертному, а за трапезой в городе при питии за здоровье праправнука его гремела музыка и пушечные выстрелы раздаваясь по всему озеру, далеко уносили за пределы его в обширные поля громкую весть о нашем патриотическом празднестве. Много содействовал к достижению сей цели тутошний городничий г. Гранкин, которому я обязан справедливым признанием, что он в делах службы и о исполнении относящихся к ней видов моих прилагал особенное попечение и отличался, сколько разумом, столько и нравственностью.¹

Приведём кстати здесь же, выписку из записок Долгорукого за 1812 год, где он, подводя итоги своей деятельности во Владимирской губернии и говоря о «физических красотах городов в отношении к наружным строениям», между прочим пишет:

В Переславле сооружён дом каменный не большой для хранения памятника Петра Великого, его речного судна. В бывшем архиерейском доме помещены присутственные места и сообразно с тем оный дом перестроен и внутренне поправлен. Тюрьма и соляные анбары поставлены деревянные. Учреждена каменная больница для военного лазарета достаточная на нарочитое число солдат. Заложен гостинный двор каменный и постепенно выстраивался. Улицы расширены и некоторые вымощены правильно.²

Подводя итог изложенному И. М. Долгоруким в его записках, приходится отдать ему справедливость, что только благодаря его инициативе и энергии удачно закончилось начатое им дело охраны исторических памятников Переславля-Залесского. Можно смело сказать, что он именно, князь И. М. Долгорукий, сохранил для нас ботик и другие принадлежности петровского времени. При этом нужно помнить, что в то время Музей Академии Наук был почти единственным музеем, а провинциальных музеев, тем более захолустных, конечно, нигде в России не было. Это был первый провинциальный музей, и именно музей в полном смысле этого слова, в котором были сосредоточены и экспонированы исторические и бытовые вещи конца XVII в.

Заслуга князя Долгорукого, таким образом, значительна и потому обязывает нас остановиться на его биографии. Он родился в Москве в 1764 г. Первоначальное воспитание его шло по установленному в крупных дворянских семьях обычаю и в этом отношении к Долгорукому вполне может быть применим Пушкинский стих —

¹Рукопись «Записки князя И. М. Долгорукого за 1810 г.» Библиотека 1 Московского университета, рукопись 175.

²Рукопись «Записки князя И. М. Долгорукого за 1812 г.» Библиотека 1 Московского университета, рукопись 175.

Сперва Madame за ним ходила,
Потом Monsieur её сменил.

Биограф И. М. Долгорукого — М. А. Дмитриев пишет:

До восьмилетнего возраста надзор за малолетним князем Долгоруким и первоначальное учение его вверены были француженке madame Constantin. [...] С восьмилетнего возраста князь Долгорукий взят был из женских рук. К нему принят был в воспитатели иностранец Руле.

Однако дальнейшее воспитание Долгорукого пошло не совсем обычным для того времени порядком; по выработанному отцом Ивана Михайловича плану он должен был изучать: историю, географию, литературу и математику и языки — латинский, немецкий и французский. «По тогдашнему времени это был довольно широкий объем образованности». С одиннадцатилетнего возраста к Долгорукому был приглашён в качестве наставника француз Совре, прекрасный преподаватель-классик. Под его руководством Долгорукий быстро овладел латинским языком и подготовился к экзамену в Московский Университет, в каковой и поступил 14 лет от роду.

Первым литературным опытом Долгорукого был сделанный в годы студенчества перевод книги «Les Songes philosophiques». За эту работу он был зачислен в литературно-учёное Общество под названием «Вольного Российского Собрания».

В 1780 г. Долгорукий кончил трёхлетний курс университетского учения и начал (по тогдашнему обычаю) своё поприще с военной службы — прапорщиком 1-го пехотного Московского полка (является не вполне выясненным, почему Долгорукий не попал сразу в Семёновский Гвардейский полк, в который был записан с семи месяцев от роду). В 1775 г., уже будучи поручиком, Долгорукий переводится в Лейб-Гвардии Семёновский полк с чином прапорщика.

Жизнь в Петербурге, где Долгорукий был принят при дворе наследника, проходит в участии в почти непрерывно сменяющихся увеселениях, домашних спектаклях, балах и прочем. В 1786 г. Долгорукий женится на Евгении Сергеевне Смирновой и с этого времени начинает более серьёзно заниматься литературой. В 1788 г. им было написано первое стихотворение («На смерть Горича»), в котором, впрочем, ещё весьма слабо зазвучали нотки протеста против социальной несправедливости. Весьма характерны обстоятельства вызвавшие появление этих стихов:

При взятии Очакова в 1787 году, убиты были князь Волконский и славный казачий наездник Горич. Первому тотчас появились стихи; о втором все как то забыли. Мне стало досадно, что в самом подвиге патриотической смерти льстецы полагают различие между князем и казаком, тогда как всякий солдат, положивший жизнь свою за отечество, равно с вельможами получает право на звучный отголосок похвалы.

Первоначально стихи эти не были пропущены цензурой — «Для чего, не знаю. Но другой причины не вижу кроме той, что Горич был не князь», — говорит по этому поводу Долгорукий.¹

В 1790 г. Долгорукий произведён в капитаны и отправлен на войну со Швецией. Участвовать в боях ему не пришлось, а по заключении мира он вовсе оставляет военную службу, отразив своё отношение к ней в следующем стихотворении:

В герои не влечёт меня мой тихий шаг;
По склонности ушёл от рыцарских отваг;
Не зная лучше, что из этих двух игрушек —
Пырнуть ножом в углу, иль дать туза из пушек;
По логике моей давно я рассудил, —
Что так ли, или сяк, да плохо, кто убил.

¹Дмитриев, М. А. Князь Ив. М. Долгорукий и его сочинения / М. А. Дмитриев. — М., 1863. — С. 6—7, 22.

Отрицательное отношение к войне со временем вылилось у Долгорукого в более резкие формы. Мы здесь приведём (опережая несколько события) следующие выписки из его записок, написанных в самый разгар военного шовинизма 1805—1807 г. (войны с Францией).

Вот как проходила у нас зима, а в немецких областях, куда стекались со всей Европы войска, раскачивались пушки, летали ядра и пули тучами на человеческие тела. Падали люди как галки и гнили тысячи трупов разных царств и исповедываний на полях, так называемых *полях чести*. Какое юродство в христианах. В лучшие дни премудрости их славы. [...] бьют людей везде, всегда без разбору да ещё и гордятся кровавыми своими трофеями. Ах. — Сколько жертв неповинных взыщет на нас бог в день суда страшного. И спасут ли нас наши *поля чести*.

В записках за 1806 год Долгорукий по поводу раздававшихся с амвона проповедей, имевших целью вызвать в народе озлобление против французов, опять является выразителем мысли, чуть не на столетие опередившей его современников, а именно, он говорит:

О, какая соблазнительная проповедь. Она вымышлена была для возмущения народа против Франции, которой искренно желали все всякого зла. Я не отвлекусь в пространные рассуждения на счёт сего остервенения; — оно же и не принадлежит к моему предмету, но коротко скажу, что я с моей стороны, ярясь против самозванца, не питал злобы против народа. В чём он виноват. Осмотримся всюду и ужели не признается откровенный человек, что всякий народ бывает в страдательном положении под скипетром деспота.

Далее в записках за 1807 год, описывая присылку во Владимир военнопленных французов и говоря о разжигаемой повсюду ненависти к ним, Долгорукий пишет:

Я люблю и не люблю по воле сердца, а не по предразсудку, и никогда не постыжусь сказать, что я гораздо охотнее разделю время с умным и учёным французом, хоть пленным или свободным, нежели с пьяным помещиком, не знающим грамоте, потому только, что он русский, а не иностранец. Что мне до цвета волос и до наречия. Добрый человек везде мой земляк.

Весь мир одна семья с начала до конца:
Мы слабые пенцы всеильного отца.

Возвратимся, однако, к прерванному нами изложению. Итак, в 1791 г. Долгорукий вышел с чином бригадира в отставку, и в том же году назначается вице-губернатором в Пензу. Здесь он деятельно занимается литературой. Написанные им в Пензе стихотворения «Приказ Швейцару» и «Камин» приносят ему громкую известность. «Камин» был переведён на французский язык Авиатом-де-Вате и в 1799 г. напечатан вторично.

В 1797 г. вследствие «романического приключения с женой предводителя дворянства» Долгорукий оставляет Пензу. Несмотря на искреннюю привязанность к своей жене Евгении Сергеевне, он был чрезвычайно влюбчив и пользовался у женщин успехом, хотя и был очень некрасив. О своей наружности Долгорукий, между прочим, говорит:

По наружности я был чист, румян, но дурен лицом и обезображен от природы нижней челюстью непомерно широкой и толстой губой, по которой, когда я её распускал, называли меня часто разиней.

Вскоре по переезде в Москву состоялось назначение Долгорукого в Соляную контору. В это время (пребывания его в Москве) им были написаны: комедия «Отчаяние без печали», трёхактная опера «Любовное волшебство» и много мелких стихотворений. В 1802 г. он издаёт под заглавием «Бытие моего сердца» стихотворение с посвящением «женскому полу», которому он «был обязан столь многими счастливыми воспоминаниями».

8 февраля 1802 г. Долгорукий назначается Владимирским губернатором. В своих записках 1802 г. он писал:

Губерния Владимирская назваться может одной из многолюдных и богатейших в России. Она граничит с 7-ю губерниями: Московской, Рязанской, Костромской, Нижегородской, Ярославской, Тамбовской и Тверской. В ней считалось тогда

по 5 ревизии до 430 тысяч слишком душ, с коих денежные подати никогда не оставались. Владимирский мужик платит в казну исправно. Большая часть поселян ходят по пашпортам в верховые города на разные работы. Общие рукоделия их кирпичная кладка и плотничество. Две трети обывателей суть владения помещичьего, — хлебородием губерния не щеголяет. Кроме Юрьевского уезда во всех прочих пашня не вознаграждает обывательских трудов. Земли мало и по примерным исчислениям не более 3 десятин приходится на душу. Отсюда происходит и то, что в год до 60 тысяч разойдётся пашпортов. Сколько верить можно собираемым ведомостям, самый лучший урожай не более может прокормить губернию как от 7 до 9 месяцев; но пограничные низовые уезды всегда подвозят ржи пропасть и богатство поселян тутошних защищает их от всякого с этой стороны недостатка. Мужик смышлён и по состоянию своему имеет изрядное просвещение. Говоря о народе, сообщу моё замечание, что очень мало бывает особенно чёрных преступлений и в год едва 10 или 12 раз случится исполнить над крестьянином каторжное наказание, наипаче летом: время, в которое и по прочим местам лес, поле, овраг, всё бывает опасно, по Владимирской губернии можно ездить всюду без большой осторожности. Я часто рассуждал о сём сам с собою, и из опытов заключаю, что сему причиною развлечение народа. Всё то, что здорово или молодо уходит в чужие стороны; остаётся дома старой, да малой, кои не в силах ни зарезать, ни ограбить, или необходимый работник для возделания домашних полей, которому некогда отстать от своих упражнений для шалости по сторонам. Примечание моё подтверждается тем, что как наступит осень и зачнут сходиться люди домой везде откроется роскошное пьянство, а вместе с ним появятся убийства и разные неистовства, столь обыкновенные подлой черни повсеместно. В некоторых уездах крестьяне пользуются большими заведениями, имеют фабрики полотняные, ситцовые и тому подобные. Они любят жить во всяком довольстве. Дома у многих каменные и прибраны не хуже господских. Деньги сорят без счёту, — гостей подчивают охотно. Казённые и удельные крестьяне все почти избыточные, дворянские не везде живут изобильно. Большая часть знатных господ имеют большие поместья во Владимирской губернии и получают с них отличный доход.

Купечество не везде равно богато. Например: в самом губернском городе оно очень бедно. Торговля подобная в рядах самая ничтожная потому, что всякий будучи близок от Москвы из неё запасается всем для себя нужным и есть ли может быть не с значительной выгодой в цене, по крайней мере с большой благонадёжностью в доброту товара. Ярмонок, стоящих сего названия, в губернии нет, Шуйская на Тахне одна из уважительнейших. Гуртовой торг ни в котором городе губернии так обширен не бывает как в Шуге, Вязниках и Муроме. Там купцы имеют знатные капиталы в товарах и разные выгодные заводы. Они торгуют даже в иностранных землях и с отменным успехом. Они входят во вкус большого света и убранство домов составляет главный предмет их мотовства; потом тратят большие деньги на конюшни свои. Многие упорно стоят в расколах, но кажется, что иные более из угождения низкой своей братии отращивают бороды, нежели из собственного убеждения в истине своих исповеданий.

Дворянство (как и везде, думаю) живучи в своих поместьях, угождает низким страстям, от праздности происходящим. Юношество благородное воспитывается небрежно. Учение бедное одной русской грамоте. Дома держать учителей не всякий в состоянии. В публичные школы отдавать спесь дворянская не позволяет, да правду сказать и некуда. Губернские школы туне носят название училищ. Казна тратит даром золото, а учителя без труда готовый хлеб едят. И так потомки благородных и высокоблагородных не обещают большой пользы государству. Чиновные и богатые помещики оставляя свои деревни в деспотическом управлении заслуженных своих холопей, жмутся около двора, а те кои живут на владельческих своих землях курят табак, травят зверей, пьют пунш и портят девок.

И далее, говоря о дворянских выборах, Долгорукий пишет:

Дворяне без малейших начал нравственного воспитания не могли вместить тех изящных правил, кои нужны для того, чтобы выбор судей был акт прямо гражданский и отвечал цели своего вымысла. Благородные наполнив огромную залу шумели и спорили о пустяках. Самые низкие страсти руководствовали каждым; шары означали вместо качества избираемого лица меру его унижения перед своей братиею. Всё надобно было или выпросить или нагло отнять.

А вот некоторые наиболее яркие характеристики местного чиновничества и местных учреждений (из записок за тот же год).

Прокурором застал я человека также не молодого; раболепного и бесстыдного льстеца, который вечно быв пролазом у знатных господ, сводником их, шутком и всем чем угодно, наконец, за подложное письмо был кинут по указу Павла в крепость и вытерпел тут изрядный карантин. Из неё выскочил прямо в прокуратуры, не потому чтобы открывшаяся его невинность требовала такого гласного возмездия — совсем нет. Князь Лопухин был в большом случае, — он ему возил девок. Какой заслуги искать выше. И господин такой то определён в прокуратуры. Вот его историк. Приятно быть под присмотром такого чистого Государева Ока.

[...]

Между народными повинностями в России нет тяжелее для поселян рекрутского набора сколько по самому физическому её предмету, столько и по беспорядкам, сопровождающим сие гражданское действие, ибо нет учреждения хуже основанного и менее одуманного для пользы крестьян, как рекрутское. Я не стану говорить о мелочных злоупотреблениях из коих многие одна опытность делает вероятными. Какая прозорливость их усмотреть. Какая деятельность предупредить и вовсе остановить. Не станет аргусовых глаз, чтобы вдруг увидеть шалости разного состояния служителей. Украдёт фельдшер бривши бороду, возьмёт офицер при обмундировке, — комиссар наживается у провианта, повытчик гребёт за квитанцию, вахмистр щетится ставя мужика в меру, где неприметно уведёт или прибавит рост человека по мере подавания. Армейский приёмщик берет при частом осмотре людей, когда приводятся от присяги. Дать надо лекарю за одобрение физического слежения. Все они порознь и вместе изрядно уже берут с обывателя контрибуцию, но все подобные поборы суть ещё ничтожны перед тем наглым воровством, каким отличаются иногда при сём деле Казённые Палаты или по крайней мере начальники её и тот член который участвует в производстве набора.

Не лучшего мнения Долгорукий и о современных ему судебных установлениях. В записках за 1804 г., говоря об описи в казну имущества преступников, Долгорукий указывает: «Богатые фабриканты те не боялись подобных описей потому что Юстиция никогда с ними не ссорится и так попадал под меч закона один скарб нищего поселянина и продаваясь за бесценок, терялся для наследников и для казны».

В 1804 г. скончалась первая жена Долгорукого Евгения Сергеевна. Кончина её подействовала на него чрезвычайно. «Лучше десять раз гореть, чем однажды овдоветь», — поговорка, поставленная эпитафией к собранию стихотворений Долгорукого, посвящённому смерти жены к названному «Сумерки моей жизни». Роль, которую играла Евгения Сергеевна в жизни мужа, без всякого преувеличения определена следующими словами Долгорукого: «Твоему разсудку, твоей кротости, твоим приятным внушениям я обязан был всеми драгоценными минутами моего существования. Ты научила меня быть добрым и полезным и заставила меня чувствовать все те прелести жизни, какие ощущаем мы, когда благонравная и любезная женщина обладает нами». Действительно, Евгения Сергеевна была не только горячо любимым спутником, но весьма часто и незаметным руководителем увлекающегося и пылкого по характеру мужа. С потерей её Долгорукий навсегда лишился необходимой ему опоры, и сознание этого дало известный отпечаток почти на всех его последующих произведениях.

В том же 1804 году по инициативе Долгорукого была открыта во Владимире гимназия с пансионом и библиотекой, составленной преимущественно из пожертвованных Долгоруким книг. Под гимназию Долгорукий уступил свой губернаторский дом, откровенно, впрочем, признаваясь, что к этому побудило его исключительно нежелание оставаться в доме, в котором умерла его жена.

Из последующих с 1804 по 1812 г. полезных начинаний Долгорукого необходимо отметить: устройство во Владимире суконной фабрики, постройку здания для незаконнорождённых и недужных, открытие театра и казённой аптеки, улучшение дорог и прочее. К этому же времени относится (1805 г.) избрание Московским Университетом Долгорукого своим почётным членом.

В 1807 г. Долгорукий вступил во второй брак с княгиней Пожарской. Характерная черта Долгорукого доверчивость и стремление наделить человека, который ему нравился, каче-

ствами, последнему не свойственными, — сказала и здесь. Вот, что пишет М. А. Дмитриев о второй жене Долгорукого:

Она была добрая, рассудительная и достойная уважения женщина; но совсем не пламенная, как воображал князь Иван Михайлович по её письмам. Спустя некоторое время после замужества она просто и откровенно призналась ему, что зная мастерство его в французском языке, ей стыдно было показаться перед ним не такою мастерицей в эпистолярном слоге и что письма её писал один француз, учитель её сыновей от первого мужа. Князь нахмурился, потом вдоволь нахохотался и сам после рассказывал об этом; эта добродушная откровенность нисколько не возмутила их согласия.

В 1812 г. вследствие несогласия по поводу рекрутского набора с вице-губернатором Дюнантом и поднявшихся вокруг этого дела интриг, Долгорукий вынужден был оставить службу и переселился на жительство в Москву. Впоследствии он вспоминал с большой горечью о Владимире:

Исповедую откровенно, что нет во всей вселенной для меня края ненавистнее Владимира. Говоря о городе, я не разумею ни стен его, ни положение места, ни гор высоких, ни садов плодоносных. Нет, не земля Владимирская для меня железна, не небо его медяно: люди, одни люди тамошние, для меня несноснее плотоядного ястреба, противней ящерицы, в глухой траве всасывающей свои яды...¹

С 1813 г. Долгорукий окончательно обосновывается в Москве и всецело отдаётся литературе и домашнему театру, который он у себя устраивает. К этому времени Долгорукий уже был избран членом Беседы любителей русского слова, Вольного Общества любителей словесности, наук и художеств и Общества Соревнования просвещения и благотворения, а затем и почётным членом Общества любителей Российской словесности при Московском Университете.

К делу устройства своего домашнего театра Долгорукий отнёсся со всей присущей ему страстностью и на резкие нападки на него со стороны многих, считавших, что в его лета и в его чине играть на сцене — неприлично (Долгорукий, по отзывам современников, был превосходным актёром и очень любил выступать) — ответил в своих записках:

Говорили, что мне не под лета и несогласно с моим чином выходить на сцену. Об этом да позволят мне поспорить. Я сделаю только один вопрос: позволительно ли было бы мне, в мои годы и в моём чине, играть по целым дням в карты и разоряться, в больших партиях и с большими господами, из одного подлого им угождения; или, спрятавшись дома, кое с кем, осушивать за жирным столом дюжину бутылок шампанского. Или наконец, держать сераль наложниц и наполнять воспитательный дом несчастными жертвами. Спрашиваю простительнее ли это театра. О! если бы я всё делал по примеру других, я уверен, что меня менее бы злословили.²

Другим развлечением Долгорукого были литературные вечеринки, посещавшиеся М. П. Загоскиным, С. Т. Аксаковым и другими. Широкое гостеприимство, любезность, успех у женщин, несмотря на некрасивую наружность, искреннее добродушие делали Долгорукого — душою общества, а его спектакли, пикники и вечеринки одним из излюбленных удовольствий знакомого кружка.

Из его многочисленных произведений наиболее ценились современниками следующие стихотворения: «Приказ Швейцару», «Камин», «Везёт», «Живёт», «Плач над Москвою», «Черты свободного писателя», «Нечто для весельчаков», одна из лучших сатир, направленная против условных светских приличий. Наиболее полным собранием сочинений И. М. Долгорукого является издание Смирдина 1849 г. в двух томах.

¹Долгорукий, И. М. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года / И. М. Долгорукий // Долгорукий, И. М. Изборник 1764—1823 г. / И. М. Долгорукий. — М., 1919. — С. 212.

²Дмитриев, М. А. Князь Ив. М. Долгорукий и его сочинения / М. А. Дмитриев. — М., 1863. — С. 117—118.

В настоящее время совершенно исключительный интерес представляют «Записки» Долгорукого, часть которых, описывающая его жизнь от рождения с 1764—1800 г., напечатана,¹ остальная же с 1801 по 1823 гг. часть (приблизительно половина) до сего времени не напечатана и в одном из рукописных экземпляров, каковым мы и пользовались для настоящей статьи, находится в библиотеке 1-го Московского Государственного Университета.²

Скончался И. М. Долгорукий в 1823 году. «Все знакомые, и званные и незванные, собрались отдать последний долг доброму человеку; не дали поставить его гроб на погребальную колесницу и несли на своих руках до самой могилы», пишет об его похоронах М. А. Дмитриев. Погребён И. М. Долгорукий в Филях.

¹Долгорукий, И. М. Записки князя И. М. Долгорукого / И. М. Долгорукий. — Петроград, 1916.

Также и в «Русском библиофиле» за 1913—15 гг.

²Полный титул рукописи следующий: «Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788 г. в августе месяце на 25 году от рождения моего. В книгу сию включены будут достопамятные происшествия, случившиеся со мною до сего года и впредь имеющиеся случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мной связь и к собственной истории моей уважительное отношение». Подробные сведения о «Записках» и истории их печатания дают: первоначально М. Логинов в «Русском архиве» за 1856 г., стр. 365—367, и последние А. Поляков в предисловии к «Запискам князя И. М. Долгорукого», издание 1916 г.

Глава 4

Усадьба «Ботик» в XIX—XX ст.

Устроив на частновладельческой земле общественное сооружение, каким был Петровский Музей, в отношении юридической стороны дела князь И. М. Долгорукий ограничился согласием на это помещицы, изложенным ею в простом письме.

Последняя писала 13 августа 1803 г. Переславскому уездному предводителю дворянства Плохово следующее:

Милостивый Государь мой,
Степан Александрович.

От предместника вашего Михаила Александровича Угрюмова имела честь получить я в сентябре месяце прошлого 1802 г. письмо с приложением копии с высочайшего рескрипта, полученного г. губернатором князем Иваном Михайловичем Долгоруким на представление его о построении каменного здания для хранения ботика государя Петра Великого от усердия с иждивением гг. Переславских дворян и по случаю имения коего, состоящего в Переславской Округе в с. Велькове на берегу Переславского озера состоящего при котором до сего времени хранится в деревянном сарае тот ботик, построенном на моей земле, требовав тем письмом соглашения моего, чтоб и вновь каменное для хранения тогож ботика здание позволила я построить и определила число земли для того строения. Но как я неизвестна была, какое бы количество мерою под оное потребно, то числом я назначить не могла, а так соугодно было высочайшей воле, то с великим моим удовольствием сим малым знаком моего усердия пожертвовать согласилась и просила известить меня о количестве, сколько той земли потребно. И при том, как прежде сего состояла у того хранилища ботика печать за караулом крестьян моих и оные назначаются для того караула инвалидов из матросов шесть человек, то не могло бы коснуться впредь чего к отягощению крестьян моих, как [к] сожалению моему ни о чём в ответ уведомления от оног не получала. А известилось от старосты моего, что где должно храниться ботику строение, занимающее земли 7 сажень [13 м], уже построено, да ежели разсуждено будет построить для житья инвалидов караульни, то не более того количества земли потребно. То и на сие построение караульни, сколько она может занять, без малейшего отрицания позволю на то время, сколько пробудет существованием тот под сохранением в том строении ботик, о чём, извещая вас, милостивый государь, прошу при том покорнейше, что вокруг того строения лежащую землю крестьянам моим, оставляя для проезду одну только дорогу, обрабатывать было ни кем не воспрещено; дабы она, не принося никому пользы, не оставалась в пусте. И от караула печать, как до сего обременены были крестьяне мои оным со времени ещё того, когда они были казённые дворцового ведомства, а поныне более ста лет без перемены несли повинность, [прошу] сих избавить, ибо в таком же почти расстоянии есть казённые селения, до коих сие править принадлежало, но не знаю почему, были оттого свободны. Да и сверх того караула печати оставляем был ключ от того сарая, где хранился до сего ботик, у старосты села же моего Велькова так же на сохранении, а ныне ему следует быть в том месте, где и печать, которого запечатано бывает хранилище. То и приказала я старосте моему оный представить к вам при объявлении, или куда вы прикажете, где ему хранимому быть долженствует. При сём же повторяю вам мою покорнейшую

просьбу о принятии меня, как вдову, не имеющую защиты и крестьян моих под своё покровительство на всём вышеписанном, не оставьте без удовлетворения.

Пребываю с должным моим к вам почтением, Милостивый Государь.

Покорная к услугам
Авдотья Бутакова.

В этом письме самое важное — это согласие помещицы на постройку музейного здания на её земле. Но определение площади занятия им отсутствует. Указана здесь только длина участка 7 сажень [13 м]; в действительности же застроено было ещё в ширину 4 сажени [7,5 м]. Кроме того, со всех четырёх сторон в расстоянии двух сажень [3,8 м] от стен была берёзовая аллея в сажень [1,9 м] шириною и, наконец, в расстоянии сажени от аллей шла деревянная загородка, состоявшая из тумб с перилами. Следовательно, в длину занято было 10 сажень [19 м], в ширину 8 сажень [15 м], а всего 80 кв. сажень [290 кв. м].

Такая неопределённость не имела значения, пока жива была помещица, вдова ротмистра Бутакова. Но она умерла бездетной и её поместье перешло по наследству к Нечаевым. Затем в дело вступились другие родственники умершей Нелидовы, заявившие свои права на наследство, вследствие чего возник судебный процесс, решённый Сенатом в 1828 г. в пользу последних.

Село Веськово вместе с исторической усадьбой стало собственностью Нелидовых. Но они также владели им недолго. Обременённое долгами поместье продавалось с публичного торгового аукциона, где было заложено, и 4 апреля 1840 г. от Клавдии Нелидовой с дочерьми перешло по покупке к коллежскому асессору Ивану Трофимовичу Емельянову, секретарю 7 департамента Московского Сената.

Купив с публичных торгов Веськово как всякое рядовое недвижимое имение, без какого-либо ограничения относительно исторических его особенностей, новый владелец тем не менее в действительности получил сложное и запутанное дело: на его земле было общественное здание — Музей, и кроме того, при нём деревянная сторожка, в которой содержался сторож, по-видимому, на средства богатого переславского помещика генерала от кавалерии Степана Степановича Апраксина. Надзор за этим принадлежал местному уездному предводителю дворянства.

Таким образом, на бывшей Петровской усадьбе было два хозяина: владелец имения и хранитель исторических памятников.

В первые годы владения Емельянова Веськовым, так же как и при его предшественниках, это обстоятельство не порождало никаких недоразумений и всё шло мирно и тихо.

В 1833 г. здание Музея было отремонтировано на средства местного дворянства. Между тем в Санкт-Петербурге возник вопрос о перевозке ботика «Фортуна» для хранения вместе с «дедушкой русского флота» на берегах Невы. Тогда на дворянском собрании 27 апреля 1836 г. возбуждено было ходатайство об оставлении его на прежнем месте на берегу Плещеева озера, а вместе с тем решено было устроить каменную сторожку для трёх сторожей, средства на её постройку собрать с помещиков путём раскладки по 10,5 коп. с каждой ревизской души.

На собранные таким образом деньги с полного согласия Емельянова построена в 1842 г. каменная сторожка, существующая до сего времени, занявшая вместе с двором и холодными постройками 83,5 кв. сажень [303 кв. м].

Но вот потом сам владелец усадьбы в 1845 г. выстроил в ней жилой дом со службами для себя, то есть сделал то, на что он имел полное право.

Между тем Переславский предводитель дворянства остался крайне недоволен действиями Емельянова и мотивировал их тем, что он выстроил деревянный дом в опасной близости в пожарном отношении к Музею.

Но немалую долю остроты, надо думать, внесло сюда то обстоятельство, что Емельянов был новоиспечённый дворянин. Своё дворянство он выслужил и получил благодаря чину коллежского асессора, дававшего в то время на это право. В 1842 году он принят был на этом основании в число Владимирских дворян и внесён в родословную книгу.

Тем не менее, в глазах старого местного дворянства он оставался выскочкой и к нему относились свысока. Этому рагвепи нельзя было простить, что он поселился по соседству с ботиком Петра Великого. Мало ли было помещиков до Емельянова, но ни один из них не осмелился этого делать.

Но сделанное предводителем замечание по этому поводу встретило со стороны Емельянова твёрдый отпор и принято было первым как оскорбление. В своей жалобе Владимирскому губернскому предводителю дворянства, а последний губернатору, он писал, что Емельянов выстроил свой дом в 15 сажнях [28,6 м] вниз к озеру от сторожки и в то же время в 12 сажнях [22,9 м] от угла Музея. Находя это опасным для ботика, предводитель просит обследовать дело при помощи специалиста из Губернской строительной комиссии. Сюда послан был губернатором член этой комиссии штабс-капитан Шац, который после осмотра строений в усадьбе Емельянова нашёл положение вещей согласно с тем, как доносил предводитель, и с своей стороны дал заключение, что дом следует отнести от Музея на 50 сажен [100 м]. На этом основании губернатор сообщил предводителю результаты обследования и вместе с тем требование о переносе дома на другое место.

Но не даром же Емельянов был сенатским секретарём и знал законы не хуже губернских властей. В ответ на это он писал предводителю:

По существующим законам все владельцы дворянской недвижимой собственности суть единственные распорядители земли их и что на поверхности и что в недрах её; и по сему — мои распоряжения и дом в крепостном имении моём с. Вёськове, где нет ничего стороннего владения земли ни одной сажени, не могут быть подчинены стороннему влиянию штабс-капитана Шаца, который неправильным донесением обеспокоил лишь начальство, ибо кроме того, что не имел права судить о моей собственности и делать распределения землёю моею, ни в каких законах и уставах не постановлено относить здания одно от другого на 50 сажен... Строительными законами в империи для городов и столиц постановлено оставлять между зданиями одно от другого без различия казённых и частных расстояние на 4 сажени [7,6 м] (ст. 278-я XII т. Свода Устава Строительного, изд. 1842 г.). Мой же дом от флигеля ботика, построенного на моей земле отстоит более, нежели втрое... Ботик помещён в особом флигеле не на казённой или общественной, а на крепостной земле моей, по дозволению только предшественницы моей занять для того семь сажен [13 м] земли...

Кроме юридической правоты за Емельяновым были и другие основания не согласиться с требованием о переносе дома. Для этого нужен был денежный расход, что для него как человека служащего и, видимо, небогатого было тяжело.

Когда получен был в губернии его отказ, то ему предложили дать согласие на возведение брандмауэра между домом и Музеем, чтобы предохранить ботик от пожара. В ответ на это он писал:

В имении моём нет границы, отделяющей землю мою от земли, принадлежащей будто-бы ботикю, ни в натуре, ни в плане генерального межевания, по которому вся земля без изъятия принадлежит единственному владению моему с. Вёськова и вы [предводитель] не нашли на оном, когда видели лично у меня в 1842 г. никакого признака о ботике, который как вещь государственная и переносимая, временно лишь поставлен на земле помещичьей без приобретения её в вечность. По покупке от правительств мною всего имения со всею землёю по законному крепостному акту я состою полным, без всякого постороннего участия, законным владельцем всей без изъятия земли в с. Вёськове и находящейся под ботиком со вводом и отказом за мною безспорно и законно...

А по сим основаниям нет причины мою крепостную землю отделять от моей же брандмауэром, который среди помещичьего владения на моей земле существовать не может...

Отказав в своём согласии на устройство брандмауэра, Емельянов посоветовал сделать в Музее железные ставни и двери, что, по его мнению, лучше всякой стены должно предохранить его от пожара.

Совет этот принят не был, а вместо него предводитель обратился к Емельянову с предложением: продать дворянству часть усадьбы, на которой помещался Музей и сторожка, а именно не менее 38 сажен [72,5 м] в длину и 26,5 сажен [50,5 м] в ширину, следовательно, свыше 1000 кв. сажен [3630 кв. м].

Но так как это обесценивало имение и создавало чересполосицу, то помещик и в этот третий по счёту раз отказал своему классовому начальству и в то же время, очевидно,

потеряв от неприятностей душевное равновесие, начал озорничать. Желая, должно быть, уничтожить всякие признаки, которые могли быть истолкованы как границы музейных владений, он сломал перила и тумбы, окружавшие музейную аллею, и сначала поставил их вплотную к самым берёзам в беспорядочном виде, а когда уездный предводитель попросил его исправить сделанные им повреждения, то он распорядился переставить их к самому зданию Музея.

Его обвиняли также, что он срубил берёзы при Музее, но это оказалось неправильным. А оправдываясь в своих действиях относительно Музея, он писал губернскому предводителю дворянства между прочим следующее:

Я не препятствую сохранению ботика на земле моей в существующем здании... Эта земля не подарена и не укреплена в вечность. Она осталась крепостной собственностью владельца с. Вёськова... Ботик помещён частным образом... Как вещь государственную и переносную верховное правительство недавно желало взять в Санкт-Петербург для помещения с отечественными памятниками в приличном месте, но дворянству Переславского уезда угодно было выпросить оставить его у себя, не приготовив однако в то время и не приобретя покупкою для одного собственной недвижимой земли, следовательно дворянство имело в виду перенести его на другое приличнейшее общественное место; да и при выпрашивании оно не было вовсе поставлено на вид верховному правительству, а умолчено, что оный находится на чужой помещичьей земле, что едва-ли совместно отечественному памятнику, который верховное правительство верно не оставило бы здесь, если б знало об этом...

Ядовитее ответа трудно придумать. Дворянству он даёт патриотический урок, а относительно верховной власти делает тонкое замечание, что если бы она знала положение дела, то поступила бы, конечно, справедливо и мудро. Между тем как настоящим виновником всего была Екатерина II, так любившая уверять всех в своём преклонении перед Петром I. Она именно отдала в частные руки исторические памятники и создала все затруднения в деле их хранения.

Емельянов продолжает своё письмо:

Ваше превосходительство, поставьте себя на моё место и великодушно рассудите: а) что я не могу один отдать всего имения и никакого куска земли прибавить на тот предмет, который лежит на обязанности всего вообще сословия дворянства, которое общими силами может сделать общественное для него приобретение имения; б) что я и без того несу многие потери и неудобства от побития трав и прочего пешеходами из простолюдин, приходящими не для того, чтобы видеть ботик, а под именем его в имение моё просто неистовствовать, что для семейного владельца и для дам крайне неприятно; один же из сторожей Суслов груб и не трезвого поведения; в) что на одну и ту же землю двух хозяев быть не может, я же с имением купил всю землю под ботиком и вокруг здания без исключения...

...Я не препятствую, а считаю священным счастьем, если ботик останется на земле моей, ограниченной с самого начала 7 саженьями [13 м] для здания, в коем он удобно помещается, и караульной, но с таковым разъяснением на будущее время, что бы под именем его не было отнюдь прикосновения к прочей вне здания земле моей, ни вмешательства в распоряжения мои оною. [...] В противном случае я не лишаю себя права просить о перемещении ботика, ибо в имении моём ничего нет казённого...

Это была уже явная угроза и оскорбление, та предельная грань в истории остатков Петровской флотилии в Переславле, за которой должно было последовать окончательное решение. Петровскому Музею угрожала опасность ликвидации в том именно пункте, с которым он связан органически, потому только, что собственник и эксплуататор этого клочка земли собирался выкинуть его из своих владений.

Ясно, что такой оборот дела вызвал негодование и заставил искать новое место для ботика по берегам озера. Такие места на всякий случай были намечены: одно близ Горицкого монастыря, другое на Александровой горе. Между тем Переславские рыбаки в дополнение к этим двум пунктам, указанным дворянами, присоединили третий. Они составили мирской приговор, в котором изложили, что их прадеды и деды были самыми деятельными участниками при устройении ботика на Плещееве озере, а потому, усердно благоговая

пред его драгоценною древностью, просили удельное начальство осчастливить их дозволением поместить ботик в Рыбной Слободе на берегу озера, жертвуя на устройство здания для помещения его самое удобное место. Это трогательное постановление было направлено удельной конторой, в ведении которой тогда находилась Рыбная Слобода, губернскому предводителю дворянства.

Но, к счастью, ни одно из этих предположений осуществлять не пришлось. Ботик остался там, где ему и быть надлежало, на прежнем своём месте близ с. Веськова. Благоприятный оборот приняло дело в зависимости от того, что оно стало известно в Петербурге через Владимирского губернатора, сообщившего о нём в Министерство Внутренних Дел. Николай I распорядился:

1. призвать коллежского асессора Емельянова в собрание дворянства и объявить ему через губернского предводителя, что его императорское величество изволил признать поступок в настоящем случае крайне неприличным, в особенности когда ему служило примером постоянное попечение Владимирского дворянства о сохранении памятника, драгоценного для каждого русского;
2. отнести помещение ботика от самого строения, когда местность та позволит, сделав вместо деревянного каменный сарай;
3. если расход на сей предмет владимирское дворянство не примет на себя, то поставить сарай на счёт его императорского величества.

Хотя, как видно из этого, в Петербурге неясно представляли себе истинное положение вещей в Веськовской помещичьей усадьбе (там забыли о каменном здании Петровского Музея) и пункты второй и третий не имели прямого практического значения, тем не менее смысл распоряжения был ясен: бот Петра должен быть сохранен там же, но вдали от опасного в пожарном отношении здания.

5 декабря 1846 г. во Владимире происходило дворянское собрание для осуществления мероприятий, указанных Николаем I. Сюда вытребован был Емельянов, которому в присутствии 145 человек дворян губернский предводитель сделал строгое замечание и выговор за его оскорбительное и недостойное отношение к исторической реликвии, какой является Петровский ботик.

Затем обсуждали дальнейшую судьбу Петровского Музея. Было два течения: первое стояло за то, чтобы перенести его в одно из намеченных мест в окрестностях Переславля, а другое — за оставление его на месте близ Веськова с покупкою у Емельянова всего Веськовского имения полностью.

Последнее выдвинуто было переславцами. Коллежский секретарь Юшков в особой докладной записке доказывал, что перенос Музея будет стоить столько же, сколько покупка всего поместья, а именно около 30 тысяч, — на доходы от него, посчитанные в две тысячи рублей в год, можно было погашать банковский долг или образовать специальную Петровскую стипендию и на неё воспитывать 2—3 бедных дворян, «а главное, — заключает автор свою записку, — наш родной исторический памятник останется на прежнем месте, где не только Россия, но и самая Европа привыкла его видеть столько лет».

Это мнение восторжествовало и было решено выкупить Веськово полностью. Емельянов и раньше склонялся к тому, чтобы продать поместье и назначил за него 30 000 рублей. Теперь после сделанного ему внушения он стал уступчивее и согласился продать его за 27 000 рублей. Собрание нашло эту цифру приемлемой и постановило собрать её посредством обложения владимирских помещиков по 6 копеек с ревизской души. С Емельянова же взята была подписка, что «он до изъявления высшим начальством согласия на эту покупку обязуется имения своего никому другому не предавать; а как скоро получится разрешение, выдать дворянству крепостной на имение акт, получить деньги по расчёту за исключением долга Московскому Опекунскому Совету, в котором имение заложено».

Согласие начальства было дано и 11 июня 1847 г. Веськовское поместье с 177 ревизскими душами крепостных крестьян и всей вотчинной землёй перешло в собственность Владимирского дворянства в его целом.

Так в конце концов найден был более или менее правильный выход из того нелепого положения, в которое были поставлены по вине Екатерины II исторические остатки Петров-

ской флотилии в Переславле. Местом их хранения, усадьбой на горе Гремяч, стал владеть теперь один хозяин.

Следовательно, урок, данный Емельяновым, не прошёл даром. Он способствовал выяснению запутанного вопроса, а кроме того, обратил внимание на заброшенный исторический уголок, помог его украшению и улучшению в дальнейшем.

Нельзя же было, в самом деле, оставлять теперь усадьбу в том виде, как она была при Емельянове. Надо было привести её в порядок и дать ей иной, более благоустроенный вид. Так явилась мысль об устройстве здесь памятника Петру I и других сооружений.

Проект памятника поручено было разработать художнику Александру Сантинвичу Компиони, который производил потом и самую его установку. Место для него было выбрано впереди Музея ближе к озеру. Закладку произвели 17 августа 1850 г. и работы шли в течение двух лет. Памятник сделан из финского гранита в виде усечённого обелиска, поставленного на пьедестал и украшенного бронзовой арматурой. Сверху памятника царский герб, на четырёх сторонах пьедестала вычеканенные золочёные надписи:

1. указ Петра I от 7 февраля 1722 г.,
2. резолюция Николая I от 27 января 1847 г. по поводу покупки Вельковского поместья дворянством,
3. дата закладки памятника, и
4. день его открытия 17 августа 1852 года.

Одновременно с этим производилась постройка триумфальной арки по проекту архитектора Жеребцова, перестраивавшего тогда фабричные корпуса купца Борисовского в Переславле. Она поставлена при въезде в усадьбу со стороны с. Велькова и представляет собою каменные ворота, украшенные наверху бронзовой арматурой военного характера.

Вместо снесённого Емельяновского дома по проекту того же архитектора построено деревянное здание летнего типа, назначенное для общественных собраний. Это так называемая ротонда.

С постройкой этих сооружений усадьба получила другой вид, более благоустроенный, но, понятно, во вкусе Николаевской эпохи, не имевший ничего общего с Петровским временем.

На торжество открытия первоначально предполагалось взять из Никитского монастыря восемь хранившихся там пушек, которые ошибочно приняты были организаторами торжества за подарок Петра I монастырю, тогда как на самом деле эти пушки памятник так называемого смутного времени. Но духовные власти в лице синода, куда направлено было ходатайство, отказали.

Предполагалось также устроить флотилию по образцу Петровской и в день открытия памятника заставить её маневрировать на озере.

Но для этого нужны были новые расходы, а их произведено было и так немало. Самое торжество поэтому было скромнее предположений и планов. Со стороны морского ведомства был один лишь капитан-лейтенант князь М. И. Голицын, от армии один батальон Углицкого Егерского полка, расквартированного тогда в Переславском уезде, и одна батарея 16 артиллерийской бригады. Разумеется, присутствовали высшие губернские власти, гражданские и духовные. Торжество началось церковной службой 16 августа в с. Велькове.

Утро следующего дня выдалось на редкость солнечное и вёдреное, что привлекло сюда тысячную толпу крестьян и горожан. После обеда, отслуженной в том же Велькове, был крестный ход к памятнику. Открытие его сопровождалось церковной и военной церемонией, причём был сделан 101 выстрел.

Затем, как водится, был парадный обед с речами и тостами, затянувшийся до самого вечера. После обеда бал, музыка для которого была выписана из Большого Московского театра. Ночью усадьба и берега озера были иллюминированы и расцвечены фейерверками и ракетами.

По случаю открытия памятника было выбито 12 золотых и 550 серебряных медалей с портретом Петра I на одной стороне и видом памятника на другой. Издана в то же время в типографии А. Семена «Историческая записка о бывшей в Переславле-Залесском флотилии и об открытии памятника Петру I», составленная А. Розовым.

На следующий год (14 июня 1853 г.) в усадьбе было заложено каменное здание «дворец», выстроенное главным образом на средства местных фабрикантов: Варвары и Татьяны Гладковых, Алексея Чечелёва, Якима Красильникова и Дмитрия Попова. С возведением этого здания усадьба Ботик приняла свой настоящий вид, который она сохранила до наших дней. С изменением наружного её вида изменился внутренний строй жизни этого исторического уголка. Центром всего, как это и должно быть, стали остатки Петровской флотилии, а все остальные группировались около них и для них. Охрана производилась сторожами сначала тремя, а потом одним. Надзор за ними был деятельный. Население получило свободный доступ сюда для гуляний. Одно традиционное происходило в Петров день, 29 июня по старому стилю [12 июля], а второе установлено было, с устройством даже ярмарки, 17 августа по старому стилю [30 августа].

Дворянство со своей стороны, по крайней мере, первое время, ежегодно отмечало его устройством праздника. «Пять лет, — читаем мы в одной корреспонденции за 1857 г., — Владимирское дворянство празднует 17 августа, день открытия памятника Петру I на берегу Плещеева озера».

«Ботик» стал потом вообще любимым местом для загородных увеселений по летам скучавшего Переславского дворянства и группировавшегося около него чиновничества. Местный предводитель Гр. Ил. Повалишин, владелец с. Семендяйки, любил устраивать во дворце и ротонде по воскресным дням вечеринки, привлекавшие сюда от 80 до 150 человек, любивших потанцевать и поиграть в карты. Одним словом, здесь завелись своего рода «Переславские ассамблеи».

Секретарь предводителя Е. Беляев настолько был восхищён этим, что свою корреспонденцию во Владимирских Губернских Ведомостях закончил следующими стихами:

И озеро, свидетель дел Петровых,
Ты будь свидетелем событий наших новых!
Шумы волнами и играй во имя радостей живых!
Какие жили и живут в сердцах людей простых!

Но с освобождением крестьян от крепостной зависимости это веселье, видимо, скоро окончилось. Не на что стало заводить вечеринки, ибо Веськово, приносившее до 1861 г. до двух тысяч рублей, теперь перестало давать доход, а требовало расходов на содержание сторожа и поддержание зданий и усадьбы. Последняя была выделена из плана с. Веськова в размере 14 десятин 300 сажень [16 га или 160 417 кв. м]. Сюда вошла гора Гремяч и скат её до самого озера Плещеева.

В 1872 г. праздновалось 200-летие со дня рождения Петра I, отмеченное в Москве устройством Политехнической выставки, на которую по ходатайству губернского предводителя дворянства предполагалось отправить ботик и другие Петровские вещи. Но, к счастью, «по освидетельствовании ботика членом комиссии морского отдела выставки перевозка его оказалась положительно невозможной, так как по ветхости его может повлечь за собою окончательное его разрушение». Вследствие этого всё дело ограничилось одной перепиской и страхами почитателей старины за судьбу, если не дедушки Русского флота, то бабушки его «Фортуны», каковою нужно считать Переславский ботик.

Возможно, что его спасло также то обстоятельство, что он, в сущности, замурован в Музее. В 1803 г. он был вдвинут сюда и поставлен на постаменте через специальную арку в восточной стене, которая после этого была заложена; в обычные же двери, при ширине 2,28 метра, он пройти не может.

Извлечение отсюда ботика грозило вместе с тем целости Музейного здания и усложняло это дело, что неизбежно должно было повлиять на отрицательное заключение эксперта морского отдела политехнической выставки.

С тех пор мирное течение жизни в усадьбе ничем не нарушалось до самых романовских торжеств в 1913 г. К приезду Николая II все здания и сооружения приведены были в нарядный вид и отремонтированы. Кроме того, выстроен был существующий до сего времени деревянный бельведер,¹ поставленный на самом краю горы над озером, а внизу на озере

¹Бельведер и пристань разобраны в 1935 году. — *Ред.*

пристань для потешного флота, просуществовавшая только до весенних льдов, разрушивших её в 1914 г.

Устраивая бельведер, уничтожили находившуюся на этом месте возвышенность, известную под именем батареи, с которой, как говорит предание, производилась Петром пушечная стрельба. Вместе с тем сравнивали с лицом земли рябь бывших курганов по откосу Ботика между шоссеиной дорогой и верхом горы и таким образом совершенно уничтожили следы погребений IX—X ст. Выкинули также из парка остатки сухого старого дуба, посаженного Петром. Возможно, что в это именно время исчез из числа Петровских вещей недоплетённый им лапоть, так как было найдено, должно быть, устроителями встречи на Ботике царя недостойным его предка такое низкое занятие...

Такое усердие не по разуму нашло себе молчаливое, но твёрдое осуждение в охране исторической усадьбы Веськовским крестьянством в первое время революции. Здесь всё оставлено было в полной неприкосновенности, как она застала её.

Затем из Переславского Волостного Исполнительного Комитета усадьба перешла в ведение Уездного Земельного Управления, последнее (4 марта 1919 г.), исходя из того соображения:

1. что означенное имение не заключало в своём составе земельной площади сельскохозяйственного значения и не могло быть использовано для нужд местного земледельческого населения, и
2. что, являясь ценным историческим памятником Переславского края, подлежит попечению не Земельного Управления, а специального органа по охране памятников искусства и старины,

передало его в ведение Переславль-Залесского Историко-Художественного Музея.

Право на дальнейшее владение утверждено было за ним Уездной земельной комиссией (1922 г. июля 6 дня) и Владимирским губернским земельным управлением (29 марта 1923 г.). В 1925 г. Музеем возбуждено было дело об установлении границ в порядке землеустройства. В процессе подготовки возникло спорное дело о праве пользования угодьями со смежным селом Веськовым, решённое в пользу Музея.

Землеустройство происходило в 1926 г., причём во избежание недоразумений обществу крестьян Музеем уступлена луговая земля между Плещеевым озером и шоссеиной дорогой для прогона скота и связи крестьянских владений. Но для прохода к озеру из усадьбы оставлена полоса (дамба) шириною в три сажени [5,7 м]. Перешло к обществу 2 десятины 300 сажень [2,4 га], оставлено за Музеем 12 десятин [13,7 га], состоящих из 6,25 десятин [7,11 га] покоса, 1,92 десятин [2,2 га] леса, 3,48 десятин [4 га] под парком и строениями, 0,07 десятины [0,08 га] под пашней и 0,05 десятины [0,06 га] под дорогой.

В настоящее время в усадьбе Ботик находятся следующие здания и сооружения:

1. петровский Музей в каменном здании ампирического стиля, постройки 1803 г.
2. каменная сторожка с надворными постройками, 1842 г.
3. гранитный памятник Петру I, 1852 г.
4. триумфальные ворота, 1852 г.
5. ротонда (деревянное здание летнего типа), 1852 г.
6. дворец, каменное здание, постройки 1853 г.
7. бельведер, деревянный, 1913 г.

Центральное место среди них принадлежит Музею, вмещающему в себе ботик, серию бытовых вещей XVII в., среди них единственную в своём роде коллекцию «слудовых окончин» и принадлежностей корабельного снаряжения.

Самая ранняя опись этим вещам была составлена членом Археографической Экспедиции Я. Бердниковым в 1833 г.

1. Ботик, с остатками старинной оснастки, длиною 9,5 аршин [6 м], шириною 3 аршина 6 вершков [2,1 м], вышиною 2 аршина [1,3 м].
2. Вещи, принадлежащие к оснастке галер и яхт, как то: мачты, блоки, реи и прочее.
3. Шесть корабельных разных величин якорей и один якорь меньшей величины, вероятно, употреблявшийся при яхтах и ботике.

4. Железный котёл, вышиною 1 аршин с полувершком [65 см], в диаметре 2 аршина 3,5 вершка [1,4 м].
5. Деревянная ступа, вышиною 1,5 аршина [95 см], в диаметре 8,75 вершков [35 см].
6. Четыре чугунных пушечных ядра.
7. Шесть кузнечных мехов.
8. Разные вещи, как то: судовые канаты, войлочные полости, употреблявшиеся для подстилок на полы в комнатах и судах, несколько обыкновенных плотничных инструментов, каковы топоры, пазники, гвозди и прочее, железные ж заслонки, дверцы и лейки.
9. Слюдяные оконничные рамы, из коих на четырёх изображены разноцветными красками разные человеческие, также зверей и птиц фигуры, на середине оных изображение двуглавого орла, каждая рама вышиною 1 аршин 14 вершков [119 см] и шириною 14 вершков [55,6 см].
10. Несколько сбитых белыми войлоками зимних оконничных ставней, употреблявшихся в Переславле и называемых там тулками.
11. Железный механизм больших, вероятно, бывших на колокольне или башне боевых часов, часовые колёса, вал, гири и прочее.
12. Стоявший некогда на дворце или каком-либо здании деревянный, обитый жёстью двуглавый орёл с короною, некогда позлащённый; высота 1 аршин 12 вершков [1,1 м], ширина 1 аршин 11 вершков [1,1 м].
13. Образных 22 деки (четвертных или, по старому названию, пядниц), на коих изображений от времени вовсе не видно.

Следующая по времени опись составлена была в 1852 г. А. Розовым и напечатана в его «Исторической записке», изданной к открытию памятника на Ботике. Его опись имеет свой самостоятельный порядок, более подробна, чем первая и, видимо, сделана была независимо от прежней.

Она перечисляет следующие вещи, не упомянутые Я. Беренниковым:

1. Собственноручный именной Петра I указ Переславским воеводам от 7 февраля 1722 г. Но нужно иметь в виду, что подлинный указ долгое время хранился в особом сундучке в Земском Суде, потом в Петровском Музее, отсюда сдан был в Казначейство, а в Музее оставлена копия, затем снова помещён был в Музее; так что при составлении первой описи мог и не быть в Музее.
2. Вместо 22 образных досок показано 24, то есть больше на две.
3. В развитие п. 2 первой описи подробно перечисляются:
 - Несколько оставшихся лоскутьев от парусов.
 - Больших блоков от судов 47, и малых 48.
 - Деревянных гнилых спиц, оставшихся от палаток, 12.
 - Рулей деревянных с железными полосками 19.
 - Мачт с блоками и принадлежащими к оным железными крюками и верёвками 18.
 - Два флажные древка с деревянными яблоками.
4. Петли большие — 11, маленьких — 9, подставки, цепи, закладки, пробки, скобы, кольца.
5. В дополнение к п. 4 и 8 первой описи указывает ещё один железный котёл, 1 печной и 3 трубных заслона, 4 топора, 2 тесла, 2 пазовника, дубовая корабельная петербалка для вынимания якорей.
6. Точно указывает число «оконниц слюдяных решетчатых 150, с изображениями Китайской живописи 4; 11 зимних твёрдых втулов, обитых войлоками и 6 ветхих; 6 обитых войлоками дверей».
7. Два большие стеклянные полштофа, маленький ящик с рукояткой, столовая доска с железными петлями, две деревянные колодки для плетения лаптей, 14 шестиков небольших красных, резной лев, несколько вантов, снастей с юнгферами.

В 1853 г. число хранившихся в Музее вещей было увеличено пожертвованием П. С. Савельева, после того как он закончил раскопку курганов на Ботике. Он подарил сюда найденные в верхних слоях земли шпору, кочедык и пули, относящиеся, по его мнению, к эпохе

Петра I, и один из глиняных горшков с сожжёнными костями из числа найденных в Вёсковских курганах славянской эпохи. В том же году помещица Покровского уезда Вера Даниловна Горенкина через губернского предводителя прислала в Музей серебряный рубль времён Петра I.

Все эти вещи, за исключением серебряной монеты, перечисляются в описи Н. Соловьёва в 1897 г.;¹ но и кроме того им указываются вещи, не вошедшие ни в одну из прежних печатных описей:

- Деревянный футляр от подозрной трубы.
- Фуганок.
- Три изразца.
- Железный ковш.
- Железная кошка и ножницы.
- Жегало.
- Блоки галет с яхты «Анна».
- Число образных досок показано 20.

Но и с этим дополнением список вещей, хранящихся в Музее, не исчерпывает всего их количества. Сюда не включены находящиеся налицо:

- Чугунные пушки — 7.
- Железная лопата.
- Ухватик.
- Дверные приборы.
- Оконные приборы.
- Портрет Петра I (масло) XVIII ст.
- Чугунный бюст Петра I, изготовленный на Выксунском заводе Баташевых, подарен Музею Д. А. Бекетовым в 1852 г.
- Гипсовая золочёная модель фальконетовского памятника Петру I в Санкт-Петербурге на Сенатской площади.
- Кроме того, масляные портреты: Александра I в рост, поясные Николая I и Александра II.
- Гипсовый бюст Николая I.
- Канделябры резные деревянные — 2.
- Бра золочёные 4.
- Гравюры: Ф. Лефорт и другие 4.
- Литографии 3.
- Церемониал открытия памятника в 1852 г.
- План усадьбы Ботик.

Так как в революцию временами возникала неуверенность в отношении сохранности некоторых вещей, то с разрешения Музейного Отдела НКП часть их перенесена была в Переславский Музей (бывший Горицкий монастырь), где образован особый Петровский Отдел, посвящённый главным образом быту конца XVII ст.

Здесь в сводчатой комнате постройки этого же столетия вставлены Петровские слюдовые окончины, в том числе расписные работы Ивана Новикова, собрана мебель той эпохи, а в витринах дверные и оконные принадлежности из бывшего Петровского дворца, орудия труда с бывшего делового двора, кафели работы Ивашки Денешки, монеты, медали, книги церковные и гражданские, резьба с кораблей и прочее. Вместе с тем Петровского времени гравюры судов и другого, полученные из Госфонда, большая картина Д. Н. Кардовского «Петровская флотилия на Плещееве озере 25 августа 1692 г.», и прочее.

В Музее же Петровском на Ботике сосредоточены вместе с ботом «Фортуна» главным образом морские и корабельные принадлежности, как необходимое и естественное дополнение к нему. Кроме того, здесь же помещены полученные в революцию из Госфонда

¹Соловьёв, Н. Переславский Ботик / Н. Соловьёв // *Исторический Вестник*. — 1897. — Т. 70. — С. 248—252.

и приобретённые Музеем портреты и бюст Петра I, план усадьбы Ботик в 1845 г., портрет основателя Петровского Музея князя Ивана Михайловича Долгорукого (копия с портрета работы Левицкого) и прочее.

Таково внутреннее содержание Петровского Музея, сохранившего и со внешней стороны свой первоначальный вид без существенных изменений.

Также без каких либо заметных изменений продолжают оставаться в усадьбе памятник Петру I, триумфальная арка и все остальные здания.

Только последние получили в революцию совершенно другое назначение. Дворец обращён в научно-исследовательское учреждение, где с первых годов после октябрьского переворота по летам производится изучение Плещеева озера и всего Переславского края научными работниками разных специальностей. Здесь открыта Географическая станция Географического Института 1 Московского Университета, намечается открытие постоянной биологической станции. Но самым частым гостем Ботика и систематическим исследователем озера является проф. Д. А. Ласточкин со своими сотрудниками, изучающий его в течение ряда лет со стороны гидробиологической.

Благодаря трудам этих лиц, изучение производительных сил Переславского края сделало большое завоевание. Часть их работ напечатана в «Трудах Музея» (вып. II, III и VIII).

Здесь же проживал одно время (1925—1926 г.) беллетрист М. Пришвин, написавший «Записки фенолога с биостанции Ботик» под заглавием «Родники Берендея».¹

Другое здание — ротонда со времени революции тоже получила новое назначение. Вместо прежних балов и увеселений дворянско-чиновничьего характера здесь устраивается центр массовых народных гуляний, обычно совершающихся в окружающем парке. Здесь происходили смычка города с деревней, день Осоваихима, день леса и многое другое.

Очень важно отметить последнее. Этот день два года подряд происходит на Ботике и вносит в устройство парка ежегодную лепту в виде насаждений новых аллей и присадки к прежним. Запущенный ещё в довоенное время парк нуждается в основательном ремонте. Основу его составляют берёзовые аллеи, насаждённые в 1803 г.; от времён же Петра, надо полагать, ничего не осталось из декоративных растений, но из фруктовых можно считать вишни как отдалённые потомки Петровского фруктового сада. Остальные насаждения относятся главным образом к пятидесятым годам прошлого столетия. Западная и юго-западная часть усадьбы покрыта зарослями осин, берёз и прочего, причём в осиннике западной части остатки разрытых курганов.

Предполагается систематически приводить парк в порядок и обратить в дендрологический, где будут собраны породы всех деревьев, которые могут произрастать в нашем крае.

Б. В. Иваненко
Михаил Иванович Смирнов
1928

¹Отзыв о них: *Анциферов, П. Н.* Беллетристы-краеведы / П. Н. Анциферов // *Краеведение*. — 1927. — №1. — С. 31—46.

Литература о Переславской флотилии и Петровском Музее на Ботике

Публикации

1. 29 июня у памятника Петру I в с. Велькове // *Владимирские губернские ведомости*. — 1854. — № 28.
2. *Posselt, M.* Der General und Admiral Franz Lefort, sein Leben und seine Zeit / M. Posselt. — Frankfurt am Main, 1866.
3. Адмирал русского флота Ф. Я. Лефорт или начало русского флота // *Морской Сборник*. — СПб., 1863. — Т. 3, приложение. — С. 9—16.
4. *Анциферов, П. Н.* Беллетристы-краеведы / П. Н. Анциферов // *Краеведение*. — 1927. — № 1. — С. 31—46.
5. *Беляев, Е.* Празднование в Переславле 17 августа в день открытия Петру I памятника / Е. Беляев // *Владимирские губернские ведомости*. — 1857. — № 37.
6. Ботик Петра I // *Северная Пчела*. — 1838. — № 175.
7. Ботик Петра Великого // *Сын Отечества*. — 1833. — № 158. — С. 72—87, 117—133.
8. *Брикнер, А. Г.* Жизнь Патрика Гордона / А. Г. Брикнер // *Журнал Министерства Народного Просвещения*. — 1877. — Декабрь. — С. 157.
9. *Брикнер, А. Г.* Иллюстрированная История Петра Великого / А. Г. Брикнер. — СПб., 1882. — Т. 1. — С. 134.
10. *Георгиевский, В. М.* Владимир на Клязьме, Суздаль, Переславль-Залесский / В. М. Георгиевский. — СПб., 1913. — С. 89—93.
11. *Голиков, И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России / И. И. Голиков. — 2 изд. — М., 1837. — Т. 1. — С. 76—77.
12. *Голиков, И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России / И. И. Голиков. — 2 изд. — М., 1839. — Т. 11. — С. 38—40.
13. *Гордон, П.* Дневник (Tagebuch des Generals Gordon) / П. Гордон. — СПб., 1851. — Т. 2.
14. *Доброхотов, В. И.* Памятники преданности дворянства Владимирской губернии к царствующему дому (Ботик на берегу Плещеева озера) / В. И. Доброхотов // *Владимирские губернские ведомости*. — 1851. — № 1.
15. Известия голландцев о начале в России флота и ботике Петра Великого // *Сын Отечества*. — 1838. — № 5. — С. 1—8.
16. *Кончаловский, П.* От Москвы до Архангельска по Московско-Ярославско-Архангельской железной дороге. Описание всех мест, лежащих по пути дороги и в ее окрестностях, имеющих историческое или промышленное значение / П. Кончаловский. — М., 1897. — Вып. 2: От Александра до Ярославля. — С. 38—73.
17. *Косаткин, И.* Пребывание Петра I в Переславле в местности «Ботик» / И. Косаткин // *Владимирские епархиальные ведомости*. — 1913. — № 7. — С. 163—167.

18. Косаткин, И. Торжество в селе Веськове, Переславского уезда, по поводу 200-летнего юбилея Полтавской победы / И. Косаткин // *Владимирские епархиальные ведомости*. — 1909. — № 38. — С. 618—622.
19. Куракин, Б. Гистория о Петре I / Б. Куракин // *Русская Старина*. — 1890. — октябрь. — С. 252.
20. Мамонтов, С. Колыбель нашего флота / С. Мамонтов // *Живое Слово*. — 1913. — № 21.
21. Меморский, Н. М. Крестный ход на озеро Плещеево / Н. М. Меморский // *Владимирские губернские ведомости*. — 1848. — № 26.
22. Меморский, Н. М. Прогулка по берегу озера Плещеева / Н. М. Меморский // *Владимирские губернские ведомости*. — 1850. — № 31.
23. Об открытии памятника Петру Великому // *Владимирские губернские ведомости*. — 1852. — № 23.
24. Об открытии Петровского Музея в Переславле-Залесском // *Московские Ведомости*. — 1803. — 15 августа. — № 65.
25. Открытие памятника Петру Великому на берегу Плещеева озера // *Журнал Министерства Внутренних дел*. — 1853. — Март.
26. Отчет Владимирского губернского предводителя дворянства за 1846 г. — С. 5—7, 9.
27. Отчет Владимирского губернского предводителя дворянства за 1847 г. — С. 5—10.
28. О намерении отправить ботик Петра I на выставку; о невозможности исполнить это; путь в Переславль // *Владимирские губернские ведомости*. — 1872. — № 9, 13.
29. О приезде Петра I в Переславль-Залесский в 1687 г. // *Владимирские губернские ведомости*. — 1855. — № 29.
30. О сохранении ботика Петра Великого в Переславле-Залесском // *Московские ведомости*. — 1837.
31. Переславское Плещеево озеро и ботик Петра Первого «Fortuna» // Владимирский календарь и памятная книга. — Владимир, 1901. — С. 112—118.
32. Полевой, Н. А. Обзорение русской истории до единодержавия Петра Великого / Н. А. Полевой. — СПб., 1846. — С. 236.
33. Празднество 30 мая во Владимире и Переславле, в день 200-летия со дня рождения Петра Великого // *Владимирские епархиальные ведомости*. — 1872. — № 12. — С. 252—254.
34. Празднование 200-летнего юбилея рождения Петра Великого, на берегу озера Плещеева // *Владимирские губернские ведомости*. — 1872. — № 23.
35. Прогулка по берегу озера Плещеева // *Друг Просвещения*. — 1805. — июль. — Т. 3. — С. 38—40.
36. П. Памятник Петру Великому на берегу Плещеева озера / П // *Журнал Министерства Народного Просвещения*. — 1853.
37. Радич, В. Исторические рассказы / В. Радич. — М., 1904. — С. 82—94.
38. Ранг, М. М. В память 200-летнего юбилея дня рождения Петра Великого, праздновавшегося у монумента его, близ гор. Переславля-Залесского / М. М. Ранг // Труды Владимирского губернского статистического комитета. — Владимир, 1873. — Вып. 10.
39. Ранг, М. М. Заметка к статье священника а. свирелина о Переславском озере в историческом и промышленном отношении / М. М. Ранг // *Владимирские губернские ведомости*. — 1872. — № 31.
40. Ранг, М. М. Заметка о Ботике Петра I / М. М. Ранг // *Владимирские губернские ведомости*. — 1873. — № 5.
41. Розов, А. Историческая записка о бывшей в Переславле-Залесском флотилии и открытие памятника Петру Великому на берегу Переславского озера, близ с. Веськова / А. Розов. — 2 изд. — М., 1853. — 1 издание: М., 1852.
42. Розов, А. Историческая записка о бывшей в Переславле-Залесском флотилии Петра I / А. Розов // *Владимирские губернские ведомости*. — 1853. — № 11—17.
43. Розов, А. Историческая записка о бывшей в Переславле-Залесском флотилии Петра I / А. Розов // *Журнал Министерства Народного Просвещения*. — 1855. — Т. 77, отд. 2. — С. 51—80.
44. Сборник выписок о Петре Великом / Под ред. Есипова. — М., 1872. — Т. 1. — С. 372—

- 374.
45. *Свирелин, А. И.* Историческая заметка (Крёстный ход на озеро Плещеево в Переславле в 6-е воскресенье) / А. И. Свирелин // *Владимирские губернские ведомости.* — 1860. — № 3.
 46. *Свирелин, А. И.* Переславский Фёдоровский женский монастырь / А. И. Свирелин. — Владимир, 1903.
 47. *Свирелин, А. И.* Переславское (Плещее) озеро в историческом и промышленном отношениях / А. И. Свирелин // *Владимирские губернские ведомости.* — 1872. — № 30, 31, 34, 36, 37, 38.
 48. *Свирелин, А. И.* Слово в день памяти Петра I по случаю двухсотлетнего юбилея со дня его рождения / А. И. Свирелин // *Владимирские епархиальные ведомости.* — 1872. — № 12.
 49. *Смирнов, М. И.* Забытая «потеха». Из истории Переславской флотилии Петра I / М. И. Смирнов // Доклады Переславль-Залесского Научно-Просветительного общества. — Переславль-Залесский, 1919. — Т. 4.
 50. *Смирнов, М. И.* Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее / М. И. Смирнов. — М., 1911.
 51. *Смирнов, М. И.* Переславщина. Источники и материалы краеведения, их систематизация и обзор / М. И. Смирнов // Доклады Переславль-Залесского Научно-Просветительного общества. — Переславль-Залесский, 1921. — Т. 9.
 52. *Смирнов, М. И.* Справка о Переславской флотилии Петра Великого / М. И. Смирнов // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. — Владимир, 1910. — Вып. 13.
 53. *Соловьёв, С. М.* История России с древнейших времен / С. М. Соловьёв. — 3 изд. — М., 1879. — Т. 14. — С. 106—108, 132—433.
 54. *Соловьёв, Н.* Колыбель русского флота / Н. Соловьёв // Военно-Исторический Вестник. — Киев, 1910. — С. 45—58.
 55. *Соловьёв, Н.* Переславский Ботик / Н. Соловьёв // *Исторический Вестник.* — 1897. — Т. 70. — С. 248—257.
 56. *Стромилов, Н. С.* Александрова слобода XVII в. и её Успенский девич монастырь / Н. С. Стромилов // *Владимирские епархиальные ведомости.* — 1883. — № 9. — С. 273—275.
 57. *Стромилов, Н. С.* Петр на Переславском озере / Н. С. Стромилов // *Вестник Московской Политехнической выставки.* — 1872. — № 35.
 58. *Танков, А.* Описание торжества при открытии памятника Петру Великому на берегу Плещеева озера в с. Велькове Переславль-Залесского уезда 17 августа 1852 г. / А. Танков // *Владимирские губернские ведомости.* — 1852. — № 39, приложение.
 59. *Танков, А.* Переславль-Залесский 17 августа 1853 г. (година открытия памятника Петру I / А. Танков // *Владимирские губернские ведомости.* — 1853. — № 36.
 60. *Тихонравов, К. Н.* Ботик Петра I / К. Н. Тихонравов // Владимирский сборник. — М., 1857. — С. 119—122.
 61. *Тихонравов, К. Н.* О ловле сельдей в озере Плещеево / К. Н. Тихонравов // Владимирский сборник. — М., 1857. — С. 14—22.
 62. *Тихонравов, К. Н.* Переславский Ботик Петра Великого / К. Н. Тихонравов. — М.: Издательство А. Мартынова, 1872.
 63. *Устрялов, Н.* История царствования Петра Великого / Н. Устрялов. — СПб., 1858. — Т. 1—3.
 64. *Хвостов, Д. И.* Надпись Переславль-Залесскому озеру. Надпись хранящемуся на берегу онога в селе Велькове ботику, на котором забавлялся, прогуливаясь по озеру, Пётр Великий / Д. И. Хвостов // Хвостов, Д. И. Разные стихотворения графа Хвостова / Д. И. Хвостов. — СПб., 1827. — Т. 5. — С. 228.
 65. *Хвостов, Д. И.* Надпись Переславль-Залесскому озеру. Надпись хранящемуся на берегу онога в селе Велькове ботику, на котором забавлялся, прогуливаясь по озеру, Пётр Великий / Д. И. Хвостов // *Муза.* — 1796. — Т. 2. — С. 244—245.
 66. *Хвостов, Д. И.* Надпись Переславль-Залесскому озеру. Надпись хранящемуся на берегу онога в селе Велькове ботику, на котором забавлялся, прогуливаясь по озеру, Пётр Великий / Д. И. Хвостов // *Дамский журнал.* — 1823.

67. *Хвостов, Д. И.* Ода ботику Петра I / Д. И. Хвостов // Хвостов, Д. И. Полное собрание стихотворений графа Хвостова / Д. И. Хвостов. — 3 изд. — СПб., 1828. — Т. 1, кн. 1.
68. *Хвостов, Д. И.* О знаменитости Переславля-Залесского в древние и новые времена. Шестое воскресенье (после Пасхи) в Переславле-Залесском / Д. И. Хвостов. — СПб., 1820.
69. *Хвостов, Д. И.* О знаменитости Переславля-Залесского в древние и новые времена. Шестое воскресенье (после Пасхи) в Переславле-Залесском / Д. И. Хвостов // *Благонамеренный*. — 1820. — Т. 16, № 8. — С. 97—121.
70. *Хвостов, Д. И.* О знаменитости Переславля-Залесского в древние и новые времена. Шестое воскресенье (после Пасхи) в Переславле-Залесском / Д. И. Хвостов // *Исторический Вестник*. — 1887. — Т. 1. — С. 130—131. — [Неясная ссылка. — *Ред.*]
71. *Хвостов, Д. И.* О знаменитости Переславля-Залесского в древние и новые времена. Шестое воскресенье (после Пасхи) в Переславле-Залесском / Д. И. Хвостов. — М., 1823. — С литографированным видом г. Переславля. С присовокуплением статьи из «Отечественных записок» — «Описание храма Божией матери в слободе, что на р. Кубре, в Переславль-Залесском уезде».

Архивные материалы

Владимирского губархива

- Дела Канцелярии Владимирского Губернатора: 1845 г. № 64; 1847 г. № 183; 1850 г. № 125; 1854 г. № 47, 88.
- Архива Владимирского Губернского дворянского депутатского собрания: 1846 г. № 1317 на 28 л.; 1847 г. № 1117/1 на 71 л., 1118/6 на 22 л.; 1848 г. № 1295/23 на 5 л.; 1849 г. № 1085/34 на 8 л.; 1850 г. № 984 на 46 л., 985 на 26 л.; 1851 г. № 804/17 на 15 л., 803/18 на 3 л., 800/14 на 18 л.; 1852 г. № 862/22 на 25 л., 858/10 на 42 л., 857/9 на 3 л.; 1853 г. № 809/1 на 9 л.
- Архива Владимирского Губернского предводителя дворянства: 1849 г. № 1589/44 на 23 л.; 1850 г. № 1367/67 на 444 л.; 1852 г. № 1325/82 на 3 л., 1320/77 на 3 л.

Архивного отделения Библиотеки 1 Московского Государственного Университета

- Рукопись № 175. Неизданные записки князя И. М. Долгорукого за 1802—1813 гг.

Бывшего архива Министерства Юстиции в Москве

- Дела Переславль-Залесского Уездного суда 1722 г. февраля 12 и 13, марта 7 и 8, мая 10. (Опись 5, вязка 1, дела №№ 9, 10, 18, 20, 33; вязка 3, дело № 77.)
- Дела Переславль-Залесской Провинциальной Канцелярии 1737 г. мая 13. (Опись 8, вязка 4, дело № 111.)
- Дела Московской Губернаменской Канцелярии.

Литература об основателе Петровского Музея князе И. М. Долгоруком

Наиболее полный библиографический указатель о Долгоруком даёт Б. Модзалевский,¹ а именно:

1. *Аксаков, С. Т.* Воспоминания / С. Т. Аксаков // Аксаков, С. Т. Собрание сочинений / С. Т. Аксаков. — СПб., 1886. — Т. 4. — С. 38—42.
2. Атений. — 1828. — Ч. 1, № 2. — С. 93—94.
3. *Барсуков.* Жизнь Погодина / Барсуков. — СПб., 1893. — Т. 7. — С. 211—213.

¹Русский Библиографический Словарь Дабелова—Дядьковского. — Т. 1. — С. 541.

4. *Благово*. Рассказы бабушки / Благово. — СПб., 1885. — С. 266—267.
5. Вестник Европы. — 1816. — Ч. 85, №3. — С. 186—188.
6. Вестник Европы. — 1817. — Ч. 93, №10. — С. 101—103.
7. *Вяземский, П. А.* Сочинения / П. А. Вяземский. — СПб., 1883. — Т. 8. — С. 476—480.
8. *Вяземский, П. А.* Сочинения / П. А. Вяземский. — СПб., 1884. — Т. 9. — С. 62.
9. *Геннади, Г. Н.* Словарь писателей / Г. Н. Геннади. — Берлин, 1876.
10. *Греч*. Опыт истории русской литературы / Греч. — СПб., 1822. — С. 211—212.
11. *Губерти, Н. В.* Материалы для русской библиографии / Н. В. Губерти. — М., 1819. — Вып. 3. — С. 869—872.
12. Дамский журнал. — 1824. — Ч. 5. — С. 35, 83.
13. *Дмитриев, М. А.* Князь И. М. Долгорукий и его сочинения / М. А. Дмитриев. — 2 издание. — М., 1863.
14. *Долгоруков*. Сказания о роде князей Долгоруковых / Долгоруков. — СПб., 1840. — С. 159—163.
15. *Иконников, В.* Опыт историографии / В. Иконников. — Киев, 1892. — Т. 1, кн. 2. — С. 918.
16. Исторический, Статистический и Географический журнал. — 1827. — Ч. 2, №4. — С. 46—51.
17. *Майков, Л. Н.* Очерки из истории литературы, XVII и XVIII вв. / Л. Н. Майков. — СПб., 1889. — С. 422, 423.
18. Москвитянин. — 1842. — Ч. 1, №1. — С. 180.
19. Москвитянин. — 1845. — №2. — С. 21—43.
20. Московский Наблюдатель. — 1803. — Ч. 3. — С. 117—127.
21. *Неустроев, А. Н.* История розыскания о русских повременных изданиях и сборниках / А. Н. Неустроев. — 1874.
22. Памятники Новой Русской Истории. — СПб., 1873. — Т. 3, отд. 1. — С. 1—2.
23. Письма князя И. М. Долгорукого к М. Н. Макарову // *Дамский журнал*. — 1829. — Ч. 25, №13. — Ч. 26, №17, 18. — Ч. 27, №35.
24. Рецензия на сочинения М. А. Дмитриева // *Русское Слово*. — 1863. — №11, 12.
25. *Ровинский*. Словарь гравированных портретов / Ровинский. — СПб., 1889. — С. 610.
26. Русские Ведомости. — 1895. — №176.
27. Русский Архив. — 1865. — С. 958—971.
28. Русский Архив. — 1866. — С. 738, 739.
29. Русский Архив. — 1867. — С. 3, 26, 54, 58, 59, 673, 1103, 1176, 1266.
30. Русский Архив. — 1868. — С. 642.
31. Русский Архив. — 1875. — Т. 1. — С. 310.
32. Русский Архив. — 1891. — Т. 1. — С. 27, 398.
33. Русский Инвалид. — 1823. — №302. — С. 1208.
34. Санкт-Петербургские Ведомости. — 1791. — №1. — С. 1.
35. Словарь Плюшара. — Т. 17. — С. 91—92.
36. Словарь светских писателей митрополита Евгения. — СПб., 1845. — Ч. 1. — С. 187.
37. Современная Летопись. — 1863. — №41.
38. Современный Наблюдатель Российской словесности. — 1815. — Ч. 1, №2. — С. 56.
39. Труды Владимирского губернского статистического комитета. — Владимир, 1867. — Вып. 6.
40. Увлечение поэта / *Русская Старина*. — 1897. — №1. — С. 71—79.
41. *Шевырев, С. П.* История Московского Университета / С. П. Шевырев. — М., 1855. — С. 208, 240.
42. *Шевырев, С. П.* Лекция о русской литературе / С. П. Шевырев // Сборник 2 отделения Академии наук. — СПб., 1884. — Т. 33. — С. 228—229.
43. *Шумигорский, Е. С.* Императрица Мария Феодоровна / Е. С. Шумигорский. — СПб., 1892. — С. 335, 336.

К этому необходимо добавить статью Б. Модзалевского, напечатанную в «Русском Библиографическом Словаре Дабелова—Дядьковского», т. 1, стр. 538—541; предисловие А. Полякова к «Запискам князя И. М. Долгорукого» (Петроград, 1916) и предисловие Н. С. к «Запискам» Долгорукого, напечатанным в «Русском Библиофиле» за 1913—1915 г.

Приложение.

Историческая записка о бывшей в Переславле-Залесском флотилии Петра I

Записка эта составлена по поручению г. Владимирского Губернского Предводителя Дворянства С. Н. Богданова. Цель этой записки назначена была мне самим Предводителем Дворянства, и заключалась именно в том, чтобы собрать по возможности все известия, относящиеся ко времени пребывания Петра I в Переславле и к оставшимся здесь после него кораблям, яхтам и галерам, как исторические, так и сохраняющиеся до сего времени в народной памяти. Относительно исторических известий я пользовался: а) статьею академика Устрялова «Лефорт и потехи Петра Великого до 1689 года», помещённой в журнале Министерства Народного Просвещения, и б) «Деяниями Петра Великого» Голикова; собранием преданий я обязан преимущественно Н. С. Бельскому, протоколисту Переславского Уездного Предводителя.

Старший Учитель Владимирской Гимназии А. Розов.

В жизни Петра I много светлых минут, много блистательных подвигов; лучше, вся она есть трудный подвиг для пользы и славы своего Отечества. Среди этих подвигов, один, при всей своей кажущейся незначительности и маловажности, особенно обращает на себя наше внимание; один как бы служит исходною точкою всех его великих предначертаний. То — рассказ Петру Князя Якова Фёдоровича Долгорукого о бывшей у него астролябии, рассказ, переданный впоследствии нам самим Петром, — и, наконец, сама астролябия, привезённая ему из Парижа тем же Князем Долгоруким, который в 1687 году 27 февраля отправился послом во Францию и возвратился в Москву 15 мая 1688 года. Петру было тогда только четырнадцать лет. Любопытство юноши-гения было глубоко затронуто: сильно захотелось ему доведать употребление этого загадочного для него инструмента и применить его к делу. Явился учитель Франц Тиммерман; начались математические уроки.

В то время, когда быстро развивалась любознательность молодого Монарха; когда он с жадностью искал познаний, могущих ему служить руководителями в деле управления; в то время Петру естественно было вспомнить об одном из его предков, питавшем глубокое уважение ко всему иноземному, и пересмотреть оставшееся после него наследство. Тот предок был Никита Иванович Романов, двоюродный брат Царя Михаила, скончавшийся в 1654 году; тот предок, по словам Олеария, лично его знавшего, очень жаловал иноземцев, любил немецкую музыку, даже иностранную одежду, и выезжая на охоту, наряжался в немецкий кафтан. То наследство хранилось в амбарах Царского села Измайлова, в семи верстах от Москвы. Вот, в мае месяце 1688 года «случилось нам», как пишет сам Пётр, спустя с лишком тридцать лет, в 1719 году,

[случилось нам] быть в Измайлове на льняном дворе, и гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда, Никиты Ивановича Романова, между которыми

увидел судно иностранное, спросил вышеречённого Франца [Тиммермана], что то за судно? Он сказал, что то бот английский. Я спросил: где его употребляют? Он сказал, что при кораблях, для езды и возки. Я паки спросил: какое преимущество имеет пред нашими судами (понеже видел его образом и крепостью лучше наших)? Он мне сказал, что он ходит на парусах не только по ветру, но и против ветру; которое слово меня в великое удивление привело и якобы неимоверно. Потом я его паки спросил: есть ли такой человек, который бы его починил и сей ход мне показал? Он сказал, что есть. То я с великою радостью услыша, велел его сыскать. И вышеречённый Франц сыскал голландца Карштен Бранта, который призван при отце моём в компании морских людей, для делания морских судов на Каспийском море; который оный бот починил и сделал машт и парусы, и на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно и zelo любо стало. Потом, когда я часто то употреблял с ним, и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил: для чего так? Он сказал, что узка вода. Тогда я перевёз его на Поросяной пруд, но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу быть более. Того дня я стал проведывать, где более воды; то мне объявили Переяславское озеро, яко наибольшее, куды я, под образом обещания в Троицкий монастырь, у матери выпросился; а потом уже стал её просить и явно, чтобы там двор и суды сделать. И так вышеречённый Карштен Брант сделал два малые фрегата и три яхты. И там несколько лет охоту свою исполнял. Но потом и то показалось мало; то ездил на Кубенское озеро; но оно ради мелкости не показалось. Того ради уже положил своё намерение прямо видеть море.

Вот слова самого Петра о первых его попытках в деле заведения в России флота. Чудно совпадает это событие с открытием астролябии. Это чувствовал и сам Великий Монарх: он записал эти два случая из своей жизни рядом, как бы давая тем знать, какое важное они имели значение в дальнейшем развитии его способностей. В самом деле, там Князь Яков Долгорукий случайно намекает между разговором Петру об астролябии, как о детской игрушке, и потом привозит её Петру, как детскую игрушку; а Пётр ищет себе учителя, и находит Франца Тиммермана; денно и ночью сидит за арифметикой и геометрией и изучает землемерие; равнины в окрестностях Москвы служат ему практической школою. Здесь сам он случайно нападает, между прогулкою, на английский бот предка своего, Никиты Романова; сам хочет воспользоваться этой новой потехой, как средством к образованию себя. Он ищет себе учителя, и находит Карштена или Христиана Бранта; только окрестности Москвы со своею Яузой и Поросянским прудом не могли ему служить новой школой: нужно было отыскать для этого новое место. И вот указывают Петру Плещеево озеро в Переславле-Залесском. Нужно его осмотреть и сделать нужные по этому предмету распоряжения. Сделать это не трудно. Дорога в Переславль-Залесский через Троицкий монастырь знакома была почти всем нашим Царям: все они приходили сюда поклониться Угодникам Переславским: Даниилу Игумену, Никите Столпнику и Князю Андрею. Пётр, вероятно, не скрыл от своей матери намерения побывать в Переславле и поклониться Угодникам, и она, вероятно, этому не противилась, как делу богоугодному: скрыл он от неё не путешествие, а цель, с которой он предпринимал это путешествие; не то затаил он от своей матери, что он отправляется в Переславль, а то, зачем именно отправляется.

У Петра между мыслию, глубоко запавшей в его душу, и её исполнением не бывало больших промежутков. В начале июня он начал кататься по Яузе и Поросянскому пруду, а 30 июня отправляется он, с согласия своей матери, в Троицкий монастырь на праздник обретения мощей Святого Сергия, отсюда к Переславлю взглянуть на то озеро, которое он уже предназначил себе морской школой. Вот он в Переславле; он осматривает озеро; и в эту-то торжественную минуту застаёт его здесь первое народное предание. Предание это сохранило даже имя действующего лица со всеми подробностями: то была крестьянская жёнка села Веськова, Устинья Ааронова. Вот её рассказ о встрече с Петром:

Я жала рожь (заметим, это было в первых числах июля; рожь у нас к этому времени едва ли поспевает, а если и поспевает, то чрезвычайно редко). Вдруг я вижу прямо от Горицкого монастыря, по горе, хлебом кто-то едет верхом на карем коне. За ним, не в дальнем расстоянии, тоже на конях едут ещё три человека. Тот что ехал впереди, остановился недалеко от меня и стал пристально смотреть на озеро. Долго он смотрел, и я досыта насмотрелась на него. Он был велик ростом

и статен, в одежде, похожей на охотничью. Из-под шляпы с навесом видны были кудри русских волос. Лицо у него было несколько смугловато; глаза карие, быстрые; ус только пробивался. На бедре его висел меч; за поясом торчал охотничий нож; при нём был небольшой огнестрел. Вид его был строг; но я, заметивши на лице его какую-то радость, да не зная, кто он таков, а полагая, что он какой-нибудь барин охотник, сказала ему: эхче, барин, зачем хлебушко-то мнёшь! Он мне на это отвечал: не брюзжи, старуха, хорошо вам будет, и поехал далее по скату горы к Соломидину; за ним последовали и другие, в числе которых я узнала нашего Переславского наместника.¹ Впоследствии я узнала, кто был таков этот барин. Во время стройки судов я с ним часто разговаривала, и он был такой добрый и разговорчивый со всеми, а в особенности с крестьянином Михаилом Бобровым и его сыновьями Василием и Михаилом; их он часто призывал к себе на думу при постройках. Он был даже на свадьбе и крестинах у Михаила; а Василия он взял к себе в прислуги. Некоторые из потомков сего последнего проживают теперь в Петербурге, под именем купцов Товаровых; другие же остались в селе Веськове и доселе известны под именем Думных.

Далее продолжим рассказ о действиях Петра на Переславском озере словами г. Устрялова:

Полюбовавшись озером, Пётр спешил в Москву — испросить дозволение матери на постройку судов при Переславле-Залесском. Нежно любя сына, Царица трепетно смотрела на его огненные потехи; новая придуманная им забава — водою приводила её в ужас. Более всего она боялась частых и продолжительных отлучек его, и не без основания: до неё доходили слухи о замыслах Царевны Софьи, которые день ото дня становились дерзостнее и опаснее. Не могла Царица отказать в просьбе сына, и Карштен Брант с мастером Кортотом отправился в Переславль закладывать суда. Она не теряла однако ж надежды удержать резвого Петра при себе и поспешила его женить: нашла ему невесту, молодую, прекрасную, Евдокию Фёдоровну Лопухину, и 27 января 1689 года отпраздновала свадьбу. Тщетная предосторожность!

Едва миновал месяц и начали вскрываться реки, Пётр, оставив молодую жену, поспешил в Переславль. Там против устья Трубежа, близ Сорокосвятской и Введенской церкви, хлопотал Карштен Брант с корабельным мастером Кортотом над тремя судами. Два из них были уже в отделке. В самый день приезда Царя, 20 апреля озеро вскрылось. Радостно смотрел он на зеркальную, необозримую поверхность его, на успешную постройку судов, и сам принялся помогать Бранту. Удары царского топора огласили окрестности Трубежа. «Матушка Государыня! — писал Державный плотник к Царице, немедленно по приезде, — благослови сынишку твоего Петрушку, в работе пребывающего. Озеро вскрылось; все суда, кроме большого корабля, в отделке. Только за канатами стало. Вели прислать их из Пушкарского Приказа, по семи сот сажень немедленно. Иначе житьё моё здесь продолжится». Вместо канатов, Царица-мать послала ему повеление возвратиться скорее домой, тем более, что наступало 27 апреля, когда скончался Царь Фёдор Алексеевич, и всё Царское семейство непременно бывало в этот день на панихиде в Архангельском соборе. «Дражайшая матушка! — отвечал Пётр. — Недостойный сынишка твой Петрушка челом бьёт. К Москве я был готов; только, ей, ей, дело есть. Наипокорственнее предаюсь в волю вашу». Царица требовала настоятельно, чтобы он возвратился. Звала его и молодая жена: «Радость моя, Царь Пётр Алексеевич, — писала Евдокия, — пожалуй Государь, будь к нам, не замешкав». Делать было нечего: Пётр отправился в Москву, едва поспел к панихиде, и через месяц опять ускакал на озеро Плещеево. Там уже не застал он мастера Корта, который умер за несколько часов до его приезда; но суда были почти готовы. «Все удались зело хороши, — писал Пётр к матери, — присылке же с Доктором и с Гаврилою (Головкиным) я обрадовался, как радовался Ной о масличном суке». Он не мог налюбоваться на свои суда, спешил доделать их, не имел почти времени уведомить мать о своём здоровье, как она требовала непрестанно, писал к ней наскоро, на лоскутках грязной бумаги, дрожащею рукою; очевидно измученный дневной работою, но полный радостного чувства

¹В. И. Панфилов, приводя этот фрагмент в своём кратком историческом очерке «Переславль-Залесский», указывает и имя наместника: Фёдор Собакин. Его цитата полнее этого текста, а его источники неизвестны. — *Ред.*

при виде своих кораблей. «Гей! — писал он торопливо к Царице — о здравии твоём слышать желаю и благословения прошу; а о судах паки подтверждаю: зело хороши все».

Не скоро однако ж удалось ему погулять в сооружённом трудами его ковчеге по озеру Переславскому. Его с нетерпением ждали в Москву на вторичную панихиду по Царе Феодоре Алексеевиче, в память тезоименитства усопшего Государя: он не успел к 8 июня, когда совершалась панихида, приехал через четыре дня, исполнил благочестивый долг брата и уже не смел отлучиться из Преображенского: до него дошли зловещие слухи.

В то самое время, когда Пётр со всем жаром своей души предавался науке и искусству, и по собственному, многозначительному выражению его «трудился яко Ной» над ковчегом возрождения России, злобная сестра, окружённая юродами, ханжами, свесвятами, крамольными стрельцами, дерзнула огласить его ни к чему неспособным.

Целое лето Пётр употребил на то, чтобы единожды навсегда покончить дело с своею властолюбивою сестрою, чтобы окончательно уничтожить ту преграду, которая мешала ему свободно предаваться исполнению тех идей, которые день ото дня начинали в нём развиваться. Целое лето не мог он побывать в Переславле, посмотреть на новое своё изобретение и им потешиться.

Между тем, среди этих смут и волнений, топор и молот не умолкают в Переславле-Залесском. Старик Брант с целою колонией мастеров немцев, при помощи переславских рыбаков, устраивали всё нужное для того, чтобы юному Монарху на следующее лето свободнее приняться за изучение нового им задуманного дела.

Обычай наших предков не позволял сблизиться с иностранцами: отдельными слободами жили они в Москве; отдельной слободой поместились они и здесь. Спросите любого жителя Переславля о тех немцах, которые жили здесь для корабельного дела; он вам покажет на гору, лежащую между Горицким монастырём и селом Веськовым; назовёт вам её Немецкою и скажет вам, что и само название получила она от проживавших тут на Птичьем дворе немцев корабельщиков. Гора эта отстоит от речки Вёски сажень на 90 [170 м], а от самого озера на 130 [250 м]. До сих пор видны следы бывших тут зданий.

В это же время, вероятно, был устроен и двор для приезда сюда Государя на потехи. Двор Государев находился на том самом месте, на котором теперь находится здание, вмещающее в себя ботик, и которое жители Переславля называют не иначе, как дворец. Слишком заметны ещё до сих пор следы существовавшего здесь дворца со всеми необходимыми для него службами. Вам покажут и место, где стоял дворец, где была церковь, где кузница, где амбары и погреба; покажут вам колодец, выкопанный самим Петром. Вот в каком порядке показываются эти места. Дворец, как мы сказали, стоял на том месте, где теперь здание, вмещающее ботик: только он подходил ближе к озеру. Против дворца к озеру был сад; уцелели ещё от него до сих пор две берёзы, посаженные, по преданию, самим Петром. Против дворца в самом озере торчит несколько свай; тут, скажут вам, была пристань и тут стояли корабли. Вправо от дворца к селу Веськову была церковь, по преданию деревянная, во имя Вознесения Господня, от чего и близлежащий овраг, вероятно, получил название Вознесенского. Влево от дворца находится колодец, далее возвышение, известное под именем Гремяча, о котором будет сказано ниже; ещё далее за ним вы увидите несколько холмов, расположенных рядами: это, скажут вам, места палаток, в которых помещалось войско, бывшее здесь с Петром для потех. Позади дворца стояли амбары и погреба; за ними, немного в сторону к селу Веськову, стояла кузница, в которой трудился сам юный Монарх, сам вырабатывал вещи, нужные для кораблей.

Предание сохранило нам об этом ещё более: старожилы ещё подробнее рассказывают об этом дворце. Вот рассказ бывшего старосты села Веськово, Козьмы Иванова Думного, и головы Рыбной слободы Петра Фёдорова. Дворец этот, по их словам, был деревянный, крытый, один говорил, черепицею, а другой — железом; стоял он на двенадцати венцах, на пространстве восьми сажень [29 кв. м]. Оконницы, часть которых сохранилась до сего времени, были слюдяные, в одних комнатах — простые, в других — с изображением разных фигур человеческих, цветов, животных, Китайской живописи. Вход в дворец был от озера; в него вели три двери, обитые войлоком; над среднюю дверь был прикреплён на железном шпиле двухглавый орёл из листового железа. Во дворце было пять комнат; полы в них

были дубовые; печи изразцовые муравленные с изображением людей, птиц, цветов, зверей; до сих пор выкапывают остатки этих изразцов.

Таким образом вот насколько в этом году (1689) могла осуществиться задуманная Петром мысль: мы с большим вероятием можем предполагать совершенно оконченными два фрегата и три яхты, о коих упоминает сам Пётр; также можем предполагать оконченным дворец для его помещения, известие о котором сохранила нам память народная. И так¹ в 1690 году должно было начаться плавание по Переславскому озеру, должны были потехою начаться уроки, с помощью которых восемнадцатилетний Монарх решился изучить одну из важнейших отраслей государственного управления — мореплавание.

Действительно, к 1 мая 1690 года мы встречаем Петра здесь, для спуска новой флотилии. День этот был одним из торжественных дней в жизни Петра, обильной подобными событиями: задуманная им мысль осуществилась; корабли, по его слову, зело удались все; оставалось только испросить благословения церкви и приняться за новую науку. Исполнив 1 мая обряд церковный, освятив юную свою флотилию, Пётр вполне предался своему новому удовольствию; несколько недель сряду плавал по озеру и управлял своими фрегатами.

Народное предание сохранило нам это событие в более подробном виде. Вот оно:

В Рыбацкой слободе, на устье Трубежа, прямо против того места, где, по преданию, строились корабли и где до сих пор ещё стоят сваи, по обеим сторонам реки Трубежа стоят две церкви; по правую — во имя Введения Божией Матери, по левую во имя Сорока Мучеников. Задолго до Петра, с незапамятных пор из этих двух церквей в шестое Воскресенье бывал ежегодно крестный ход на озеро для водоосвящения. В год спуска кораблей случайно ли 6-е Воскресенье совпало с самым днём спуска, или так распорядился Пётр, чтобы дать новому делу более торжественный вид; только с этой целью для освящения своих фрегатов Пётр даёт этому ходу вид более великолепный; вместо прежнего хода из двух этих церквей, он учреждает крестный ход из церквей целого города. Торжественная процессия по его распоряжению началась из собора и шла к реке Трубежу. Близ того места, где теперь проходит через неё городской мост, духовенство с иконами и хоругвями разместилось по приходам на рыбацких лодках, нарочно для того приготовленных, разделилось на две части по обоим берегам реки и в таком виде тихо отправилось к устью Трубежа к храмам Введения и Сорока Мучеников. Здесь оно с обеих сторон было встречено духовенством означенных церквей. В обеих этих церквах в одно время началась божественная Литургия; по окончании оной, в одно время вышла торжественная процессия из обоих храмов и в прежнем порядке отправилась к фрегатам Петра. Между тем, по слову Петра, для этого торжества явилось сюда новое, им самим созданное войско — потешные, чтобы приветствовать рождение Русского флота. Недалеко от дворца, влево от него, оно устроило небольшое возвышение, поставило тут свои пушки, само выстроилось в боевой порядок, и только ждало первого движения нового флота, чтобы встретить его залпом орудий. Место, им устроенное, называется Гремяч, от грома пушек, скажет вам житель Переславыя, из которых палили во время спуска фрегатов в озеро.

Лишь только духовная процессия приблизилась к юной флотилии, она, предводимая своим юным творцом, при гrome пушек и мелкого орудия Потешных, при восклицании — ура! бесчисленного народа, сделала первое своё движение и вышла на середину озера. По данному знаку всё умолкло; началось священнодействие. По окроплении святою водою новой флотилии, снова раздался гром орудия, снова повторились восклицания радостного народа. Процессия пошла обратно; а юный Монарх, при гrome орудий, пустился тешиться новою потехою по озеру.

Вот как, по народному преданию, начались первые действия Петровой флотилии на Переславском озере.

Здесь до сих пор празднуется торжественно день рождения Русского флота: до сих пор каждый год, в шестое Воскресенье, повторяется та же процессия, в таком же порядке, с такими же обрядами, с тою только разницею, что уже нет и следов юной флотилии, не раздаётся гром орудий с Гремяча, не слышно радостных восклицаний народа и самые лодки уже не заходят так далеко в озеро.

¹По исследованиям г. Устрялова, должен быть 1690 год, по Голикову — 1692.

Любя во всём порядок и подчинение, Пётр скоро своей потехе даёт организацию и ясно высказывает предназначенную ей цель; даёт новой флотилии Генерал-Адмирала, бесспорно, со всеми ему подчинёнными морскими чинами. То был Франц Яковлевич Лефорт. Оказав Петру беспримерную верность в самую трудную минуту его жизни, он сделался первым его любимцем. Безграничная верность, весёлый нрав, особенное умение угодить во всём юному Монарху — всё это чрезвычайно нравилось Петру в новом его любимце. Ещё прежде, получив от Петра в дар за свои услуги огромный дом, прозванный в последствии Лефортским, он умел в знак благодарности кстати потешить его примерным морским сражением. Таким образом, под руководством своего нового любимца, Пётр принялся изучать науку мореплавания. Как он изучал эту науку, в чём заключались его потехи и упражнения? Этого мы до сего времени не знаем ни из истории, ни из преданий. Помнят только жители Переславля, что здесь часто бывала пушечная пальба.

Вот краткие и отрывочные известия, какие мы имеем о времени пребывания Петра в Переславле-Залесском и из истории, и из преданий:

В год открытия плавания по озеру Переславскому, 1 августа Монарх приказал быть крёстному ходу на озеро. Во время погружения креста, сам он с фрегатов стрелял из пушек. Между тем стоявшая на берегу строем пехота, под командою Генерала Гордона, палила из ружей и пушек. В 1692 году Лука Михайлов Хабаров привёз сюда, по именному указу, из Москвы на озеро, в Великий Пост шлюпки и карбузы. В 1693 году Князь Михаил Михайлович Голицын был в Переславле во время построек кораблей и в 1694 пожалован здесь Прапорщиком. В 1693 году сам Пётр приезжал сюда февраля 9, марта 3, июня 23, июля 25 и из последней поездки он прибыл в Преображенское 30 августа. Страшна и опасна сначала показалась матери придуманная Петром потеха — водою; но могучее время делает своё дело: в последствии его мать, супруга и сестра Наталья Алексеевна отправились в Переславль посмотреть на юную флотилию и полюбоваться плаванием — первая сына, вторая — супруга, а последняя — брата.

К этим немногим историческим известиям присоединим ещё предания, относящиеся к этому времени и доселе сохранившиеся в Переславле.

Бывший голова Рыбной слободы Пётр Фёдоров рассказывал про своего предка следующую историю: в шестое Воскресенье, вечером, выехал он, при ясной погоде, в озеро, покататься с своею женою и гостями. Вдруг поднимается сильная туча. В то время, когда им угрожала неминуемая опасность, является со своими матросами Монарх и подаёт им помощь.

Переславский второй гильдии купец Михаил Петров Попов рассказывал о своём прапрадеде, Андрее Алексееве Попове, следующее: это было в первый год пребывания Петра в Переславле. Прапрадед его был соколиным помытчиком. Будучи на охоте в заповедном месте, что ныне Ивановское болото, в 12 верстах [12,8 км] от Переславля, он сидел и готовился накрыть сеткою налетавшего сокола. В эту минуту Царь Пётр проезжает мимо с охоты, приближается к ловчому и спугивает сокола. Разгорячённый Попов, не узнав Петра, вскричал: убью! Пётр на это отвечал: как ты смеешь! я твой Царь! — Государь! сказал ловчий, я исполняю тобою же повелённое. Пред тем только вышел указ, дозволяющий силою убивать того, кто на охоте подойдёт к ловчому и будет спугивать птицу. Пётр подарил Попову за такой ответ из своих рук шубу и пожаловал его в соколиные старосты.

В Фёдоровском девичьем монастыре до сих пор показывают келью, в которой жила Мама Петра, и отсюда, по поручению его матери, наблюдала за действиями своего питомца. В бытность свою в Переславле, Пётр часто её навещал и с нею беседовал. В последний раз навещал он её тогда, когда она уже лежала на смертном одре. Он оставил ей мешок с голландскими гульденами. Эти деньги она завещала монастырю на возобновление и украшение иконостаса. Памятником её пребывания в этом монастыре остался образ с чудотворными мощами, которым благословила её Царица Наталья Кирилловна.

Иконостас Никитского мужского монастыря устроен, как говорят, по плану, составленному самим Петром, и на сумму им пожертвованную.

Вот всё, что сохранила память народная в Переславле о времени пребывания там Петра.

Натешившись, сколько ему было угодно, и вместе изучив дело мореплавания, сколько позволяли здесь средства, Пётр задумал большее — видеть море и плавать на его поверхности. Не удовольствовавшись Кубенским озером, он 4 июня 1693 года отправляется с этой

целью в Архангельск. Что случилось с флотилиею Петра на Переславском озере, что случилось со всем, для него приготовленным, скажем об этом как по свидетельствам историческим, так и по народным преданиям.

В 1722 году, в феврале, в бытность Князя Семёна Фёдоровича Барятинского Воеводою в Переславле-Залесском, Пётр по какому-то случаю проезжал через Переславль. Естественно, вспомнил он здесь былое, вспомнил те суда, которые были родоначальником нашего флота, и на которых он провёл столько светлых минут в своей первой молодости. Не в желанном, кажется, порядке и не в надлежащей сохранности застал он их. И вот в самом Переславле 7 февраля Монарх даёт такой Указ, писанный собственною рукою Его Величества:

Указъ Воеводамъ Переславскимъ.

Надежить вамъ беречи остатки кораблей, яхтъ и галеры; а буде опустите, то взыскано будетъ на васъ и на потомкахъ вашихъ, яко пренебрегшихъ сей указъ.

Пётръ.

Въ Переславль во 7-й день Февраля 1722 года.

Указ этот до сих пор сохраняется в здании, вмещающем в себя ботик, в обделанной малиновым бархатом книге с следующим любопытным заглавием: «Книга, в которой Именной Указ Его Императорского Величества собственной Его Величества руки о сохранении в Переславле остатки кораблей, яхт и галеры, писанной в Переславле февраля 7 дня 1722 года на восьмом листу, которой получен в бытность в Переславской провинции Воеводою Стольника Князя Семёна Фёдоровича Барятинского, и в сей книге четырнадцать листов». В этой же книге переплетён Указ Императрицы Елизаветы Петровны к Переславскому Воеводе о праздновании Шведского мира, данный в Санкт-Петербурге 22 июля 1743 года.

Из Указа Петра и из его письма к Князю Ф. Ю. Ромодановскому от 31 декабря 1697 года мы можем определить, какая участь постигла Переславскую флотилию. Из письма узнаём, что построенный мастером Классом корабль весною 1698 года проведён через Вёксу, Сумино и Нерль в Волгу; такая же участь, вероятно, постигла и другие корабли, годные для употребления, тем более, что обстоятельства времени настоятельно их требовали на Волге и Дону. Из указа Петра узнаём, что оставшиеся в Переславле корабли, яхты и галеры были сперва без всякого надзора, доколе сам Пётр лично на них не обратил внимание. В следствие Царского указа, они тщательно хранились в Переславле. В памяти народа сохранилось ещё до сего времени предание, что с этой целью было выстроено особенное деревянное здание близ церкви Знамения Пресвятой Богородицы, отчего в последствии и сама церковь получила название Знамения, что при кораблях; а не от того получила это название, как некоторые думают, что будто тут строились корабли; они строились против устья Трубежа, близ церкви Сорока Мучеников и Введенской, где до сих пор ещё видны сваи; это место от церкви Знамения довольно далеко. До сих пор показывают место, на котором лежали остатки Петровой флотилии. Во время бывшего в Переславле пожара, как продолжает далее народное предание, сарай с остатками флотилии сгорел, и из них усердные жители Переславля успели сохранить только ботик, несколько блоков и других снастей, которые до сих пор сохраняются в здании ботика. Чтобы подобная участь не постигла и эти немногие остатки, с этой целью жители Переславля устроили на том месте, где стоял дворец, особенный деревянный балаган и там поместили всё, что осталось от флотилии Петра. В таком виде хранился ботик с другими корабельными вещами до 1802 года, о чём скажем ниже.

Об участи бывшего в Переславле Государева двора предание рассказывает различно: одни говорят, что этот дворец со всеми службами был перевезён Переславским Преосвященным Епископом Феофилактом на берег озера Маринкина, в семи верстах от Переславля, по Московской дороге, где действительно был Архиерейский дом и он сломан только в начале настоящего [XIX] столетия; другие говорят, будто бы дворец этот купил купец Угрюмов и перевёз его в Переславль, и будто бы Императрица Екатерина, во время своего путешествия, останавливалась в этом доме. Все орнаменты, окна, двери и разные вещи дворца были оставлены при ботике и часть их сохраняется до сего времени в целости.

Та же участь постигла и церковь: она пришла в ветхость и была упразднена. Иконы из этой церкви были переданы в церковь села Веськова. До сих пор, говорят, эти иконы стоят в иконостасе и составляют местные образа.

Во всей целости сохранился только один колодец — творение, по преданию, рук самого Петра. Жители окрестных стран питают к нему особенное уважение.

О самом ботике — этом единственном остатке Петровой флотилии на Переславском озере, вы услышите от жителей Переславля двоякое мнение: одни вам скажут, что это тот самый бот, который нашёл Пётр в амбаре своего деда Никиты Ивановича Романова; другие скажут, что это бот, построенный самим Петром.

Вот, наконец, и исторические известия о селе Веськове, столь тесно связанном с ботиком Петра:

Во время постройки флотилии и во время плаванья её по озеру, крестьяне этого села употреблялись на различные работы, для этого необходимые. Потом, по прекращении плаванья, оно, как и прежде, поступило в дворцовое ведомство и находилось в оном до 1762 года. 7 декабря 1762 года оно, вместе с Рыбной слободой, было пожаловано Императрицею Екатериною II Лейб-Гвардии Конного полка Ротмистру Бутакову с сестрою его Фрейлиною. Таким образом село Веськово поступило в род Бутаковых. В 1773 Рыбная слобода была продана Бутаковыми снова в Дворцовое ведомство. По прекращении рода Бутаковых, село Веськово перешло по наследству к Нечаевым. По этому случаю произошёл спор у Нелидовых, объявивших свои права на это село, с Нечаевыми. Дело производилось в Правительствующем Сенате и 1828 года оно решено было в пользу Гг. Нелидовых. В 1840 апреля 4 дня это имение куплено было Коллежским Ассессором Иваном Трофимовым Емельяновым. В 1846 году Владимирское Дворянство, не желая, чтобы место, ознаменованное рождением Русского флота, находилось в частных руках, приобрело это село покупкою за девяносто тысяч рублей ассигнациями на пожертвованные им самим деньги, о чём сказано будет ниже.

В 1802 году в первый раз было обращено деятельное внимание на сохранение остатков бывшей в Переславле флотилии Петра I. В этом году был назначен во Владимир Губернатором просвещённый вельможа Князь Иван Михайлович Долгорукий. Обозревая вверенную ему управлению Губернию, он не мог не обратить своего просвещённого внимания на драгоценные остатки, лежавшие без всякого присмотра на берегу Переславского озера, в деревянном сарае. По его предложению, Переславское Дворянство тотчас приступило к сооружению приличного здания для сохранения этих остатков. При этом предполагено было устроить помещение для призрения шести инвалидов-матросов. В этом деле особенную ревность показал переславский помещик, Генерал от Кавалерии Степан Степанович Апраксин: он из собственных доходов назначил содержание одному матросу. Покойный Государь Император Александр Павлович обратил своё Монаршее благоволение на такие распоряжения нового Губернатора и почтил его Высочайшим Рескриптом, и этот Рескрипт был первый, полученный Князем Долгоруким. Через год здание было готово. На нём до сих пор сохраняется следующая простая надпись, сделанная по мысли Князя: «Петру Первому усердный Переславль». В 1803 году последовало открытие здания и перенесение в него ботика Петра I с приличным торжеством, на котором присутствовал сам Князь Долгорукий и которое он сам описал с чувством истинного патриота. Вот как он заключает это описание:

Я мысленно переносился за столетие назад; воображение моё кипело; сердце трепетало от радости, что привёл меня Владыка всех миров исполнить патриотическое сие предприятие.

Как Поэт, он выразил свои чувства в следующей оде:

И ты, волна Петру любезна,
Плещева озера, гордись!
России долго быв полезна,
Пловцу великому дивись!
Играй серебристыми струями,
И купно с нашими устами
Провозвести его дела!
Его ты юность забавляла,

Его фрегаты колебала
Под флагами его текла.

На зыби вод твоих незлобных
Он мерил страшный океан;
К геройству подданных способных
Готовил плыть вокруг всех стран.
Он рек — и флот единым словом
России в элементе новом
Примером сильным доказал,
Что в мире всё тому подвластно,
Чьё сердце подвигами страстно,
Кто пылко славы возжелал.
Сей первый шаг в водах стеснённых
Казался юноше игрой;
Но плод забав столь просвещённых
Умел предвидеть наш Герой:
Он знал, веслами управляя,
Бесстрашно бури побеждая,
Что флот Российских кораблей
Во времена Екатерины
Преодолеет все пучины,
Уроки даст вселенной всей.

Се день, благоприятный ныне;
Восторжествуй его, народ!
Благодарение судьбине!
Ты долг соблюл тех Воевод,
Которым Пётр своей рукою
В Указе резкою чертою
Сам заповедь здесь начертал,
Дабы суда его любимы
Оберегались невредимы.
Успех твой труд в том оправдал.

Блаженны предков тех потомки,
Закон Монарший сохранив!
Вы даже стен спасли обломки,
В которых Пётр Великий жив.
Отважной мыслью занимался;
Пылая славой, не гнушался
Принять от плотника совет.
В руках того, на ком порфира,
Мне мнится слышать, как секира
Ударов звуки раздаёт.
Воззрите, древние дворяне,
С восторгом на сии брега!
Сто лет тому, как Россияне
Здесь зрели юного Петра;
В сей день, для здешних стран блаженный,
Когда с крестами ход священный,
На лодках был носим волной,
Он сам своим тут судном правил,
Полки вокруг и пушки ставил,
Чесмы прообразуя бой.

Воспламени воображенье,
Сын мужественная земли,
И сердца в сладком упоеньи
Екатерины вспомни дни!
Жена, всех выше жён на свете!
Тебя в таинственном совете
Назначил перстом сам Творец
На то, чтоб мир пленить войною,
Отечество стяжать душою,
Умом привлечь миллион сердец.

Любить Царей есть добродетель,
Есть долг отечества сынов;
Коль Царь народа благодетель —
Он образ истинный богов.
Но в отрасли Екатерины,
В Праправнучке Петра судьбины
Щедрот умножили залог;
Наш дух почувствовал блаженство,
Познал дней мирных совершенство.
Чего бояться?.. С нами Бог.

Для громких дел, но бесполезных,
Одна минута часто — век;
А дел благих и свойств любезных
Забывать не может человек:
Сто лет тогда, как миг проходят,
И в свежей памяти находят
Цари у подданных себя.
Так Пётр и нам вообразился;
Но твой не призрак здесь явился, —
Праправнук воскресил тебя.

Прими, о Пётр! посильну жертву,
Котору жители сих стран
Тебе приносят уже мертву,
Но живу в сердце Россиян;
Сей дом, не зодчеством надменный,
Усердием сооружённый
На то, чтоб ботик твой вместил,
Тебе да будет столь угоден,
Сколь был твой подвиг превосходен,
Сколь он нас славой озарил!
Тщеславье здесь не укорится —
Не для него сей создан храм;
Тот мал, кто, жертвуя, стремится
Себя возвысить только сам.
Дворянство цель предполагало,
(Апраксин сделал к ней начало)
Чтоб инвалидов поместить,
В матросском званьи их избравши,
Петру сугубо тем воздавши,
От зол их дряхлость оградить.

Успех в том будет всеконечно,
Мне ведом переславцев дух;
Отечество любя сердечно,
Из них ему всяк сын и друг.

Уже я зрю вблизи то время,
Когда, сложив доспехов бремя,
Матрос, опершись о костыль,
Детей вокруг себя собирая,
На волны быстрый взор кидая,
Расскажет им чудесну быль.

Дела Петровы вспомнив ясно,
Иль от преданья сохранив,
В своих рассказах безопасно,
Не устрашась быть справедлив,
«Вот здесь-то» скажет: «Царь-надёжа,
Не на боку лишь только лёжа,
Трудился сам и строил бот!
Вот тут он им изволил править,
Умел-ста родину прославить,
Стоять горазд был за народ».
Сказал — и слёзы покатались
Из-под седых его ресниц.
Геройски чувства возродились,
В восторге пал на землю ниц...
О, Россов племя бесподобно!
Во всех веках тебе удобно
Собой вселенную дивить,
К делам отважным воскрыляться
В гражданских свойствах отличаться,
Царям, Отечеству служить!

И ты, подъяв чело кичливо,
Названьем славящийся мыс!
Сие хранилище, как диво,
Пред любопытными возвысь!
И в ясны дни и в светлы ночи
Да будут всех проезжих очи
Стремиться бросить взор сюда;
Да узрят дом сей и вещают:
«Се тако переславцы знают
Царям усердствовать всегда!»

Алтарь сей славы не погибнет —
Его Всесильный соблюдёт;
Не всеу памятник воздвигнет,
Кто Бога в помощь призовет
Монаршим к нам благоволеньем,
И подданных благоговеньем,
Как ныне, будет вечно нов!
Придут ещё Петру дивиться,
Дворянством Русским похвалиться,
Сто лет спустя, — сыны сынов!

Предсказание Поэта исполнилось: Дворянство постоянно показывало своё усердие к сохранению приличным образом этих драгоценных остатков Петровой флотилии. Здание, сооружённое для сохранения ботика, находилось под присмотром матроса-инвалида, содержимого на счёт Генерала от Кавалерии Степана Степановича Апраксина при содействии крестьян из ближайших селений казённого ведомства. В 1830 году в первый раз обращено было внимание на недостаточный за зданием присмотр, и Дворянство стало придумывать новые к тому средства.

В 1833 году здание стало приходить в ветхость и потребовало различных поправок. Дворянство Переславского уезда приняло это дело на себя, и на собственные суммы сделало нужные исправления.

Между тем возник вопрос о перевозке ботика Петра I в Санкт-Петербург. Владимирское Дворянство, на общем съезде Предводителей и Депутатов, 1836 года апреля 27 дня положило, для возведения караульни для трёх сторожей при здании ботика, сделать сбор со всех дворянских имений единовременно по десяти с половиною копеек с каждой ревизской души. На собранную таким образом сумму в 1842 году были сооружены каменные казармы со службами, для помещения трёх матросов, по одобренным Главным управлением путей сообщения и публичных зданий проекту, смете и планам. При этом случае и само здание было возобновлено и исправлено.

Наконец в 1846 году некоторые обстоятельства навели Владимирского Губернского Предводителя Дворянства на ту мысль, что месту, озаменованному действиями Великого Петра, неприлично находиться в руках частного владельца. По его представлению и в следствие возникшей по этому случаю переписки, Владимирское Дворянство решило приобрести себе это место покупкою имения г. Емельянова, во владениях которого находилось означенное место. Покупка произведена была таким же образом, как сооружение казарм для трёх матросов, единовременным сбором со всех дворянских имений Владимирской губернии. Имение это было приобретено Дворянством за 90,000 ассигнациями. По этому случаю Государь Император высочайше изволил так отозваться: «Поступок этот вполне достоин чувств Владимирского Дворянства, как Его Величество всегда разумел оное».

Не ограничиваясь этим, Владимирское Дворянство начало помышлять о сооружении здесь памятника Великому Преобразователю России, творцу Русского Флота. И вот 1850 года августа 17 дня Их Императорские Высочества Великие Князья Николай и Михаил Николаевичи, во время своего проезда через Переславль, положили первые камни в основание памятника Петру I.

Вот что сохранило время из остатков Петровой флотилии и его дворца, здесь бывшего:

1. Двадцать четыре иконы, которые от времени полиняли.
2. Собственноручный Императора Петра I Указ Переславским Воеводам о сохранении ботика, 7 февраля 1722 года.
3. Российский герб из жести на железном шпиле, вероятно, бывший над входом во дворец, как говорит предание.
4. Ботик Петра I с тремя кольцами и железною посредине связью.
5. Семь якорей, из коих шесть больших, двухлапных, а седьмой маленький трёхлапный, с тремя кольцами.
6. Несколько оставшихся лоскутьев от парусов.
7. Больших блоков от судов 47, и малых 48.
8. Деревянных гнилых спиц, оставшихся от палаток, 12.
9. Рулей деревянных с железными полосками 19.
10. Мачт с блоками и принадлежащими к оным железными крюками и верёвками 18.
11. Два флажные древка с деревянными яблоками.
12. Оставшийся от часов деревянный круг с железными прутьями и четырьмя колёсами.
13. 4 пушечные чугунные ядра.
14. Петель: больших 11, маленьких 9, подставки, цепи, закладки, пробои, скобы, кольца.
15. Два железные большие котла, одно жестяное ведро, 6 кузнечных мехов, корабельное точило, 1 печной и 3 трубных заслона, 4 топора, 2 тесла, 2 пазовника, дубовая корабельная петербалка для вынимания якорей.
16. Оконниц слюдяных решетчатых 150, с изображениями Китайской живописи 4; 11 зимних твёрдых втулов, обитых войлоками и 6 ветхих; 6 обитых войлоками дверей; несколько войлоков.
17. Два большие стеклянные полштофа, большая деревянная ступа и маленький ящик с рукояткой, столовая доска с железными петлями, две деревянные колодки для плетения лаптей, 14 шестиков небольших красных, резной без головы лев, вырезанный на доске, несколько вантов, снастей с юнгами.

Предметный указатель

- 16-я артиллерийская бригада 42
- Александрова гора 40
- амбары соляные в Переславле 30
- Амстердам город 21
- «Анна» яхта 18
- аптека во Владимире 34
- Архангельск город 20, 21, 59
- астролябия 53
- Балтийское море 20
- Белое море 20, 22
- бельведер 43
- больница в Переславле 30
- Большая Песошница 23
- Большие Соли село 20
- Борисоглебский Песоцкий монастырь 23
- бот английский 54
- бот «Фортуна» 4, 25, 27, 37, 40, 43
- брандмауэр 39
- Вёкса река 21, 59
- Васильково село 7
- весь племя 5
- Веськовка река 5, 56
- Веськово село. 5–9, 13, 15, 20–22, 24–26, 37–44, 54–56, 60
- Владимир город 27, 32, 34, 35, 41
- Владимирская губерния 32
- Вознесенский овраг 15, 56
- Волга река 21, 59
- Вологда город 14, 22
- гимназия Владимирская 34
- Горицкий монастырь ... 10, 13, 40, 54, 56
- Городища село 7
- гостинный двор в Переславле 30
- Гремяч гора 5, 6, 15, 19, 25, 26, 42, 56, 57
- Данилов монастырь 19
- дворянские выборы 33
- дворянство владимирское 33
- деловой двор 15, 21, 24, 25
- день леса 47
- Дон река 59
- дровяной двор 15
- Измайлово село 10, 22, 53
- Исторический музей 7
- Калязинский тракт 5
- Каспийский флот 21
- Каспийское море 54
- Клещин город 6
- Князёк холм 5
- Коломенское село 14
- крёстный ход 17, 19, 29, 42, 57, 58
- Кубенское озеро 14, 20, 54, 58
- купечество владимирское 33
- курганы 5–9
- датировка 7
- одежда 8
- оружие 8
- украшения 7
- Куротня река 10
- Маринкино озеро 26, 59
- «Марс» корабль 18, 19
- Мемека гора 5, 13, 56
- меря племя 5
- монастырь
- Борисоглебский Песоцкий 23
- Горицкий 10, 13, 40, 54, 56
- Данилов 19
- Никитский 13, 42, 58
- Николо-Угрешский 14
- Троице-Сергиев 12, 54
- Фёдоровский 15, 22, 58
- Москва город ... 12–14, 18–22, 24, 32, 35, 55, 56
- Москва река 17, 22
- Московский полк 31
- Московский университет 34
- музей
- брандмауэр 39
- выкуп поместья 41, 64
- здание 38
- каменная сторожка 38, 64
- опись вещей 1833 г. 44
- опись вещей 1852 г. 45, 64
- опись вещей 1897 г. 46
- открытие 29, 60

петровский отдел.....	46	церковь	
ремонт.....	38, 64	Архангельский собор.....	55
Немека гора.....	5, 13, 56	Введения (в Рыбаках) .	17, 55, 57, 59
Нерль река.....	21, 59	Введенская (Фёдоровск. м.)	22
Никитский монастырь.....	13, 42, 58	Вознесения.....	15, 56, 60
Николо-Угрешский монастырь.....	14	Георгия великомученика.....	10
Ништадский мир.....	22	Знаменская.....	21, 24, 59
остойный двор.....	15	Иоанна Богослова.....	21
Очаков город.....	31	Казанская.....	22
памятник Петру I.....	5, 42, 64	Преображенский собор.....	9
Париж город.....	53	Сорока мучеников.....	17, 55, 57, 59
Пенза город.....	32	Швеция.....	31
Петрозаводск город.....	24	Ярославль город.....	22
Плещеево озеро . . .	4, 6, 14–21, 26, 29, 38, 47, 54–57	Яуза река.....	22, 54
пожар.....	24, 59		
Политехническая выставка.....	43		
Поросяной пруд.....	54		
потешная флотилия.....	25, 57		
потешное войско.....	17, 57		
потешный двор.....	15, 16, 56		
Преображенское село.....	56		
пристань.....	16		
Провинциальная канцелярия.....	23		
Прутский поход.....	22		
рекрутский набор.....	34		
рескрипт царский.....	27–29, 37, 60		
ротонда.....	42		
Румянцевский музей.....	7		
Рыбная слобода.....	41, 57, 60		
Саардам город.....	14		
сад дворцовый.....	26		
Санкт-Петербург город	18, 23, 31, 40, 41, 55, 64		
сарай корабельный.....	24		
Семёновский полк.....	31		
Семендяйка село.....	43		
Соломидино село.....	12, 55		
Соляная контора.....	32		
суконная фабрика во Владимире.....	34		
Сумино озеро.....	21, 59		
театр во Владимире.....	34		
Троице-Сергиев монастырь.....	12, 54		
Трубеж река	13, 17, 21, 23, 24, 55, 57		
тюрьма в Переславле.....	30		
Углицкий Егерский полк.....	42		
указ Елизаветы о Шведском мире	59		
указ Петра воеводам переславским . . .	59		
Украинский мушкатёрский полк.....	29		
Фёдоровский монастырь.....	15, 22, 58		
Франция.....	32		

Именной указатель

- Ааронова У. 12, 54
 Авиат-де-Вате 32
 Аксаков С. Т. 35
 Александр I царь 60
 Алексей царевич 15, 18
 Апраксин С. С. 29, 38, 60, 63
- Барятинский С. Ф. 59
 Бельский Н. С. 53
 Беляев Е. 43
 Бередников Я. 44
 Бобров В. М. 55
 Бобров М. М. 55
 Бобров М. 55
 Богданов С. Н. 53
 Брант Карштен 12–14, 16, 54–56
 Бутаков 26, 60
 Бутакова А. 29, 38
 Быков Г. 23
- ван-Келлер барон 16, 18, 20
 Василий Дмитриевич великий князь .. 9
 Взимкова Н. К. 15, 22
 Воронин Я. В. 17, 18, 23
- Гладкова В. 43
 Гладкова Т. 43
 Голицын М. И. 42
 Голицын М. М. 58
 Головкин Г. 55
 Гордон Патрик 15, 17, 19, 58
 Горенкина В. Д. 46
 Гранкин 30
- Денешка Ивашко 15
 Деулин Сара 20
 Дмитриев М. А. 31, 35
 Долгорукая (Смирнова) Е. С. 31, 34
 Долгорукий И. М. 26–37, 47, 60
 вице-губернатор 32
 военная служба 31
 воспитание 31
 губернатор 32
 домашний театр 35
 «Записки» 36
 литературные вечера 35
- смерть 36
 Долгорукий Я. Ф. 53
 Думные 55
 Думный К. И. 56
 Дюнант 35
- Евдокия Фёдоровна царица 14, 15, 18, 55
 Екатерина II царица .. 26, 40, 41, 59, 60
 Емельянов И. Т. 38–41, 60
- Жеребцов И. А. 42
- Загоскин М. П. 35
- Иван IV Грозный царь 13
- Кардовский Д. Н. 46
 Кашинцев И. 23
 Класс 13, 17, 20
 Ключевский В. О. 11, 18
 Компиони А. С. 42
 Корт 13, 14, 55
 Костоусов Герасим 14
 Красильников Я. 43
- Ласточкин Д. А. 47
 Лефорт Ф. Я. 15, 17–20, 58
- Меэтье Арриен 13, 17
- Найдышев И. 23
 Нарышкин Л. К. 20
 Наталья Алексеевна царевна .. 18, 22, 58
 Наталья Кирилловна царица .. 13, 18, 58
 Нелидова К. 38
 Нелидовы 38, 60
 Нечаевы 38, 60
 Николай I Палкин царь 41
 Николай II Кровавый царь 43, 64
 Новиков Ивашко 15
- Пётр I царь 12–24, 26–30, 40–43, 53–60
 Плохово С. А. 37
 Повалишин Г. И. 43
 Пожарская княгиня 34
 Попов А. А. 58
 Попов Д. 43

Попов М. П.	58
Поссельт М.	12
Пришвин М. М.	47
Редриков М.	22
Романов Н. И.	53, 54, 60
Ромодановский Ф. Ю.	17, 18, 59
Савельев П. С.	5, 45
Собакин Ф.	55
Спиридов М. Г.	28
Спицын А. А.	6
Суслов	40
Тиммерман Ф.	53, 54
Товаровы	55
Трощинский Д. П.	27
Уваров А. С.	5
Угрюмов М. А.	37
Угрюмов	26, 59
Фёдор Андреевич боярин	10
Фёдоров П.	56, 58
Феофилакт Горский епископ	26, 59
Хабаров Л. М.	58
Хвостов Д. И.	29
Чечелев А.	43
Шац	39
Шелудяков	23
Шсельтем Номен	16
Щедритский И. А.	29
Юшков	41
Ян	20

Оглавление

От издательства	3
Предисловие	4
1. Веськое (Веськово)	5
2. Колыбель русского флота	12
3. Петровский Музей	25
4. Усадьба «Ботик» в XIX—XX ст.	37
Литература о Переславской флотилии и Петровском Музее на Ботике	48
Приложение. Историческая записка о бывшей в Переславле-Залесском флотилии Петра I	53
Предметный указатель	64
Именной указатель	67

